группа прикладных антропологов артель

Отчет о проведенном социоантропологическом исследовании определения и самоопределения женщин как находящихся в уязвимом положении и в состоянии бездомности в Москве и Санкт-Петербурге

Команда проекта:

Группа прикладных антропологов «Артель»: Байдуж Марина, Захарова Анастасия, Калинкина Мария, Козлова Ирина

Группа волонтеров-исследователей: см Приложение 3

Группа сотрудников благотворительной организации «Ночлежка», выступавших в роли вовлеченных экспертов: Байбакова Дарья, Мурадова Мария, Гаринова Карина, Васильева Елена, Карев Кирилл, Солодова Ксения

Исследование проведено под руководством группы прикладных антропологов «Артель»

Вместо введения

Исследовательские интересы «Ночлежки» и «Артели»на изучении и рефлексии опыта женщин в большом городе (Москве) пересеклись в 2024 году, когда Дарья Байбакова, директор «Ночлежки» в Москве, присоединилась со своей экспертизой к дискуссии «О чем молчит Москва? Функционирование оппозиции центр-периферия и её производных в городском пространстве, которая прошла в рамках регулярной конференции сообщества Why World needs anthropologists?

На дискуссии обсуждалось, как в предпроектных (социальных и антропологических) исследованиях в рамках благоустройства Москвы учитываются и не учитываются потребности и интересы разных групп, которые «классически» помещаются на периферию воображаемой социальной структуры Москвы и, как следствие, — на периферию и города, и городских проектов развития. Женский опыт, связанный с проживанием трудностей и уязвимости, в большом городе — это часто про «бездомность», про насилие и исключённость из сетей взаимопомощи. На пересечении изучения бездомности и женского опыта прохождения таких ситуаций в своей жизни в контексте пространственного и, главное, социального устройства мегаполисов сложился изначальный общий фокус и текущего исследования, и в целом нашего, «Артели», внимания на разнообразный опыт женщин и уязвимостей на их жизненном пути в большом городе.

Кроме этого контекста на протяжении 2025 года обсуждалось конкретное прикладное исследование — оно стартовало в конце декабря 2025 и завершилось в апреле 2026, его результаты содержатся в этом отчёте. Конкретный вопрос, который стоял перед «Ночлежкой» — **почему в проекты помощи бездомным в Москве и Санкт-Петербурге приходит так мало женщин?**

Обсуждая этот вопрос, ещё в течение 2025 года мы, опираясь на «антропологические» интуиции о том, что существуют эмные и этные определения, и они функционируют в варианте спектра, а не чётких ярлыков, выделили гипотезу, что, вероятно, не всегда совпадает определение себя самими женщинами с предлагаемыми определениями от НКО и государственных институций. Мы пришли к тому, что для начала необходимо пересобрать определение бездомности, учитывая не только устоявшиеся модели объяснений в социальной науке и прикладной деятельности (помогающих организаций, юридического языка, государственной помощи и её языка и пр.), но главным образом — опираясь на спектр внешних определений и самоопределений жительниц Москвы и Санкт-Петербурга, находящихся в уязвимой ситуации или попадавших в ситуацию, которую сами женщины или люди вокруг них определяют как «бездомность».

В итоге, после цикла коллективных дискуссий заинтересованных в исследовании сотрудников «Ночлежки» и группы прикладных антропологов «Артель», мы договорились о следующих целях и задачах:

Цель

Изучить и реконструировать спектр критериев и маркеров для определения и самоопределения женщин в уязвимом (бездомном) состоянии в Москве и Санкт-Петербурге с фокусом на то, как эти ценностные социальные установки влияют или не влияют на поведение женщин в большом городе и их возможности получать или не получать помощь от сторонних организаций.

Задачи

1. Изучить поведение женщин в состоянии бездомности или на грани бездомности, прагматики их действий и основные варианты самоидентификации через антропологическое наблюдение и глубинные интервью.
2. Собрать и проанализировать ценностные установки горожан, влияющие на самоидентификацию женщин как бездомных, уязвимых, нуждающихся в социальной помощи и поддержке.
3. Учесть и проанализировать предшествующий опыт исследователей темы бездомности и особенности женского варианта этого состояния.

Далее еще раз хочется подчеркнуть, что 4 месяца исследования, включая аналитический этап, — это первый шаг к пересборке определения бездомности из фокуса спектра самоопределений и определений самими женщинами в Москве и Санкт-Петербурге, и очень хочется совместными усилиями пройти и последующие исследовательские, а в идеале и помогающие, шаги на пути понимания жизненного трека женщины в большом городе и понять, как можно сделать его более безопасным и менее уязвимым.

В данном отчёте мы предлагаем ознакомиться с нашим анализом историографии исследований бездомности (п. 1.1), который помог нам отстроить подход (п. 1.2) внутри этого исследования, включая полевой этап сбора данных, а также описание методики и нашего варианта расширения классических уже методов наблюдения и интервью за счет автоэтнографических рефлексий большого количества не только основных исследователей, членов группы прикладных антропологов «Артель», но и большого количества волонтеров-исследователей и сотрудников «Ночлежки» (п. 1.2). Надеемся, что наши эксперименты, которые можно назвать в том числе гонзо-антропологией, на этом отрезке исследования мы ещё осмыслим отдельно. Далее мы показываем спектр определений бездомности: внешних и внутренних, их пересечения и конфликты на данных собранного материала (п. 2), а также предлагаем вариант анализа моделей проживания бездомности женщинами в современном городе через логику необходимости смены ролей, а иногда и картин мира или систем координат, определяющих старые роли, как вызов, с которым можно не справиться и «застрять» в переходном, лиминальном состоянии, оказывающимся по его ощущению и проживанию женщинами крайне близким и практически синонимичным «бездомности» (п. 3). И отдельно мы рассказываем, как варианты (само)определений

женщин в уязвимом положении и стратегии их преодоления влияют на то, что за поддержкой они обращаются или не обращаются в помогающие организации государственного и негосударственного характера, особенно в «Ночлежку» (п. 4).

1. Подход, методы и данные

1.1. История изучения женской бездомности и варианты теоретических подходов

Изучение бездомных как отдельной социальной группы, часто — маргинализованной

Полноценным предметом интереса для социальных наук бездомность становится с выходом в 1923 году исследования Нельса Андерсона, посвящённого жизни хобо [Anderson 1923]. Понятия «хобо» и «бездомного» в исследовании Андерсона почти неразделимы. Бездомность или хобо-жизнь как социальный феномен представлена результатом экономических и политических процессов США этого периода — в первую очередь сельскохозяйственной депрессии и связанным с ней повышением трудовой миграции внутри страны. В предисловии к первому изданию Роберт Парк определяет хобо как людей, ставших первопроходцами в освоении города, но не сумевшими адаптироваться под требуемый городом тип связей, отношений, образа жизни [Ibid. Pp. vi–vii].

Андерсон представляет хобо-жизнь как продукт индустриального капитализма, а самих хобо — как неотъемлемый компонент города: его обитателей, выпавших из нормативной социальности и сформировавших вне её альтернативную сеть связей, систему моральных, экономических представлений и пр. Хобо для Андерсона становятся определённым социальным типом, закономерным продуктом города как новой формы массовой жизни.

Работа Андерсона подкрепляет сформировавшийся в 1910-х [Park 1915] взгляд на маргинализованные городские группы как исключённые и замкнутые. Бездомные оказываются примером общих проблем «социальных низов» и на протяжении нескольких десятилетий фигурируют лишь на контекстуальной периферии других касающихся маргинализации тем, преимущественно попадающих в фокус исследовательского внимания (проституции [Reckless 1969], роста преступности [Sutherland 1947], расового неравенства [Frazier 1932] и пр.).

В некотором смысле, в продолжение параллельно закрепляющейся логики рассмотрения города как фабрики девиаций [Mickay 1942], бездомность также становится объектом медико-социальных исследований. Идея социального распространения психических болезней [Srole et al. 1962] развивается в работах, где сама маргинальность трактуется как следствие психического отклонения, а бездомность как крайняя степень маргинальности становится маркером тяжёлой психической дезадаптации [Fischer & Breakey 1985; Lamb & Talbott 1986].

Появление фокуса на изучение бездомности как состояния общества: системный взгляд

Тем временем на фоне неолиберальных реформ 1980-х (в США — отхода от идей государства всеобщего благосостояния в период президентского срока Рональда Рейгана; в Великобритании — схожей политики дерегуляции Маргарет Тэтчер) в анализе маргинализированных групп происходит смена оптики, а сама бездомность снова оказывается в фокусе исследовательского внимания. Когда видимой бездомности в городах США и Великобритании становится больше и ряды критически нуждающихся граждан пополняются теми группами населения (молодыми семьями, ветеранами войн, инвалидами), забота о которых ранее возлагалась на государство, исследователи закономерно начинают обращать внимание на то, что бездомность — во многом следствие не только пространственно-экономической организации города, но и глобальных структурных трансформаций экономики и систем социального обеспечения [Jenks 1994] (о бездомности как следствии постперестроечной экономики в России: [Höjdestrand 2009, Stevenson 2006]).

В условиях снятия с себя государственным управлением полномочий по обеспечению реабилитации для бездомных эту роль принимают благотворительные организации, и исследовательский фокус закономерно смещается на взаимодействие получателей помощи и организаций, оказывающих её. Кажется, что именно в этом поле впервые появляется полноценный акцент на агентности бездомных в условиях институционального контроля и взаимодействиях с социальным окружением — другими бездомными и небездомными людьми [Hopper 2003; Duneier 1999; Bourgois & Schonberg 2009].

Изучение бездомности в российском контексте в последнее время также следует *логике изучения бездомных как отдельной социальной группы,* а также определению причин попадания в эту социальную группу через анализ состояния городских инфраструктур и систем управления. Кроме того, зачастую объект исследования ещё сильнее сужается — до изучения подопечных конкретных помогающих институций или зарегистрированных в определённых организациях и/или государственных институтах.

Например, научно-исследовательская лаборатория «Социология религии» ПСТГУ в 2019 году проводила исследование среди посетителей «Ангара спасения». Проводилось анкетирование всех посетителей ангара, кто готов был заполнить анкету. В итоге получилось, что в выборке соотношение мужчин и женщин составляет 85% к 15%. При этом среди женщин пропорционально больше молодых (12%) и, наоборот, пожилых (19%), в то время как мужчин в возрасте от 19 до 30 в выборке всего 8%, а 9% — старше 60 лет. Первое, что здесь обращает на себя внимание, — это то, что женщин всего 15% от всех бездомных, заполнивших анкету.

Татьяна Крихтова, участвовавшая в исследовании, рассказывала, что специального отбора респондентов она и её коллеги не проводили. Просто приходили в Ангар — и искали тех, кто готов заполнить анкету, и заполняли анкеты вместе с ними, потому что не все посетители могли в ней разобраться сами. Кто-то отказывался, но большинство соглашались. Женщин там в целом было значительно меньше, поэтому и анкет они заполнили намного меньше, но ещё, по ее наблюдениям, женщины «были более разные», чем мужчины. На вопрос, в чём это заключалось, Татьяна объяснила, что в Ангаре не все бездомные и что среди женщин, заполнивших анкету, около

половины было тех, кто испытывает какие-то временные трудности. «Вот, типа, они там между двумя вахтами на складе Вайлдберрис, и надо где-то перекантоваться». Или были «женщины, которые приезжают, условно, просить правды» то есть женщины, приехавшие из регионов с какими-то жалобами к Путину (тогда как раз была прямая линия, и много женщин приезжало на неё, чтобы обратиться к Путину: «Вот они тусят в Москве, ждут, когда Путин их примет. Вот таких, наверное, было больше всего женщин, <...> их даже бездомными нельзя назвать. То есть они приехали в Москву как бы с билетом в одну сторону. Где-то у них там, скорее всего, есть, какой-то дом, просто у них нет средств, чтобы в Москве где-то жить и что-то есть». Кроме того, Татьяна добавила, что женщины, приходя в Ангар, чаще подключаются к какой-то работе, к волонтерству, включаются в местную социальную жизнь.

Также стоит отметить, что в англоязычной исследовательской литературе с 1960–1970-х годов была тенденция к переносу внимания на поведенческие паттерны в рамках исследований девиации и публичного взаимодействия. В этом контексте формируется аналитика, которую в более поздних работах обозначают как «бездомное поведение» (*homeless behavior)*. Значительное влияние на этот сдвиг оказали идеи Ирвинга Гоффмана о стигме и порядке взаимодействия, хотя сам термин не закрепился в качестве устойчивой категории в англоязычной литературе и практически не используется в русскоязычных исследованиях. Начиная с 1980-х годов исследовательский фокус смещается к анализу «бездомного опыта» *(homeless experience)*. Говорить о «бездомном опыте» кажется более корректным, поскольку поведение понимается как относительно типологизируемая характеристика, тогда как опыт — как ситуативный, субъективно переживаемый и связанный с процессами конструирования идентичности. Например, Elliott Liebow [Liebow 1993] рассматривает бездомность как переживаемый социальный опыт, показывая повседневные практики, стратегии выживания и способы сохранения идентичности бездомных женщин. Несмотря на то, что термины «бездомное поведение» и «бездомный опыт» не слишком прижились в русскоязычной части историографии, мы выбираем использовать термин «бездомный опыт», чтобы сместить фокус на ситуативность и повсеместность этого опыта: буквально каждая женщина могла или может переживать это состояние, которое может влиять, а может не влиять на её ситуативную идентичность и самоопределение как «бездомной женщины» вообще или конкретно сейчас (об этом подробнее ниже и в п. 2).

1.2. Наш методологический подход и методы

Для сбора данных мы опирались на разделяемый нами вариант антропологического подхода, а также расширили оптику полевых методов до пространства большего эксперимента, только в рамках которого удалось выйти за границы уже сложившихся в науке и общественной рефлексии пониманий того, что такое бездомность, как женщины могут в неё попадать и насколько это «навсегда». Здесь мы опирались прежде всего на собственный опыт исследования стигматизированных и чувствительных социокульутурных феноменов.

Во-первых, это предполагает опору на конструктивистский и интерпретативный подходы современной антропологии, что мы понимаем как стремление к максимальной

контекстуализации изучаемых феноменов и поведения людей, а также на фокус на том, что *бездомность — это часть процесса жизни в большом городе, состояние, которое может возникать в жизни каждого человека, в частности женщины.*

Во-вторых, используется подход, который относится к области вовлечённой антропологии *(engaged anthropology)* или антропологии действия *(action anthropology)*. Этот подход предполагает позицию, что антропология должна не только не наносить вред изучаемым сообществам и людям, но приносить пользу, а в идеальном варианте — приходить к выявлению оптимальных действий, которые приведут к этой пользе или уже привели к помощи (при этом в понимании пользы первостепенность имеют внутренние значения того, что является благом, а не внешние — институций, государства и самих исследователей). Кроме этого, мы постарались вовлечь в разной степени участия в сам процесс исследования и анализа (как минимум первичного) результатов этого исследования самих участниц изучаемых процессов и состояний — как женщин, идентифицирующих, что они переживают или переживали бездомное состояние в своей жизни, так и людей, тесно взаимодействующих с бездомными людьми в рамках акций и проектов помощи (волонтёры и сотрудники «Ночлежки»), с одной стороны имеющих опыт наблюдения за бездомными, а с другой — участвующих своими действиями, а в случае экспертизы «Ночлежки» и создающими критерии и маркеры бездомности в профессиональных кругах и общественном восприятии.

Для этого к процессу сбора данных и их анализа привлекались волонтеры помогающих организаций, неравнодушные к теме женской бездомности, а также сотрудники «Ночлежки» и (по мере возможности) сами женщины, идентифицирующие себя в состоянии уязвимости, в том числе бездомности.

Таким образом, **дизайн исследования** предполагал три параллельных слоя работы:

(1) Собственно антропологическое исследование, в рамках которого была проведена серия наблюдений и было собрано 28 глубинных интервью с женщинами и экспертами в Москве и Санкт-Петербурге.
(2) Исследование с помощью волонтёров (как рефлексия и исследование их собственных установок и практик, так и отдельные исследования опыта женщин в уязвимом положении через интервью и наблюдения, организованные по рекомендованному нами формату).
(3) Серия коллективных рефлексий и отдельных разговоров с сотрудниками «Ночлежки».

В рабочую группу вошли четверо исследователей-антропологов. Мы проводили синхронное полевое исследование в двух городах, Москве и Петербурге, в ходе которого записали 28 глубинных полуструктурированных интервью, отбирая информантов (о логике определения которых см. ниже – п. 1.3). Помимо проведения глубинных интервью мы провели более сотни коротких бесед, в том числе во время наблюдений. Чтобы повстречать женщин с разнообразным опытом, а также выйти за пределы логики «снежного кома» и собственных социальных пузырей, мы жили в хостелах разного типа, наблюдали за процессами в МФЦ и в открытых городских пространствах.

Под руководством супервизора участникам-волонтёрам предлагалось провести автоэтнографические наблюдения, исследовать собственные представления об уязвимости, инструментах помощи и барьерах к её получению. Помимо этого, многие из волонтеров, организованных в мини-группы людей с разным бэкграундом, самостоятельно определяли траекторию поисков женщин в кризисах разного порядка.

Третьей опорой полевой работы стали сами сотрудники «Ночлежки» — эксперты в области изучения бездомности, явившиеся одновременно проводниками в поле, соавторами дизайна исследования и держателями знания об институциональной помощи.

Чтобы подготовить участников к полевому этапу работы, был прочитан краткий курс, посвящённый основам антропологического подхода к исследованиям с фокусом на этике и границах. Всего состоялось четыре лекционных занятия, где Марина Байдуж, руководительница исследовательского бюро «Артель», задала теоретический контекст работы, рассказала о методах антропологических исследований, описала специфику прикладной антропологии и подходов внутри этого направления, а также дала контекст гендерных исследований, социологии заботы и изучения женского опыта и бездомности.

Помимо лекционных записей было проведено более 10 групповых и неограниченное количество личных супервизионных встреч, где волонтёры-исследователи могли делиться наблюдениями, соображениями и идеями,

выстраивать следующий шаг своего командного движения в исследовании. Всего в проекте приняли участие 65 волонтёров в двух городах: Петербурге и Москве.

Понимая сензитивность поля и этические ограничения работы с респондентками в уязвимом положении, мы условились о том, что все записи — как полевые дневники, так и аудиоматериалы интервью — находятся на общем диске, доступ к которому открыт только для участников исследования и будет ограничен с момента окончания полевого этапа исследования. В настоящий отчет вошли цитаты от респонденток, которые дали информированное согласие на публикацию под собственным именем либо попросили об анонимизации. Просьба эта была исполнена, данные анонимизированы, а детали, по которым женщин могли бы узнать, удалены из материалов и настоящего отчёта.

1.3. Дизайн выборки информантов, или как типологизировать женщин в состоянии уязвимости, избегая стигматизации и мифологизации их образа

Учитывая, что городская жизнь — особенно в мегаполисах — становится всё более сложной и требует высокой мобильности, возникает множество коллизий. Люди нередко попадают в ситуации, выходящие за рамки социальных норм, что можно назвать в том числе и «бездомным опытом». Причём речь идет как о прямом отсутствии жилья, так и о косвенном. Под этим мы подразумеваем не только отсутствие дома как физического феномена, но и утрату дома как некой привязки, «социальной прописки» или места, где человек ощущает себя частью социума. Параллельно с этим, фокусируясь на женской роли, мы видим, что эта тема имеет свою историю изучения и до сих пор активно обсуждается в исследовательских и медийных кругах. Речь идет о нормированности женского пути в большом городе: как он соотносится с традиционными или иными социально приемлемыми ценностями. Ключевое предположение рабочей группы строилось вокруг мысли, что буквально каждая женщина в своём жизненном треке может оказываться в ситуации уязвимости, в том числе «бездомности», или быть определена окружающими как нуждающаяся в помощи. Эту гипотезу подсказала логика в том числе выстраивания системы помощи благотворительной организации «Ночлежка», утверждающей, что риск бездомности касается любого человека, живущего в современной России. Нашей задачей было определить сценарии жизни женщин, наиболее близких к бездомности в самом широком понимании этого слова (включая скрытую, временную, мерцающую).

Само формирование выборки — это первичный анализ нашей полевой работы и захода в неё. Четыре окна, которые мы выделили в отборе информанток, определены следующим образом:

- женщины с опытом уличной бездомности, но без опыта обращения за помощью;
- женщины в самоопределяемом кризисе идентичности и положения;
- женщины вне кризиса по самоопределению, но находящиеся в нём следуя фокусу конвенций о социальных и экономических нормах;
- те, кто определяет других женщин как бездомных/уязвимых: родственники, друзья, гос. инспекторы, работники НКО и госслужб.

Дополнительно мы говорили с экспертами-исследователями бездомности как таковой и кризисного женского опыта.

Рекрутинг и подбор

Инструменты, которые универсально работают в полевых исследованиях, — например, «снежный ком», когда информанты передают исследователя друг другу и клеем между диалогами становится социальный капитал проводника, — здесь давали сбой. Мы неожиданно спотыкались о «снежные комья», которые были настолько плотными и закрытыми, что люди, даже соглашаясь на интервью, в итоге отказывались, ссылаясь на то, что помогать должны институции. Обычно этот аргумент соседствовал с мыслью, что помогать-то некому, а если бы и было кому, то существуют специальные люди, а они сами ничем помочь не могут.

Получается, что нет никакой риторики, которая позволила бы в два-три шага обрисовать, кто именно нам нужен и какой опыт мы ищем. Из-за этого открывается огромное пространство для интерпретации образа кандидата, который в итоге сводится к неким крайним, «неприкасаемым» категориям. Вспомнить хотя бы одну из наших несостоявшихся информанток, чей опыт казался релевантным: она много лет проработала психологом с детьми, имеющими опыт социального сиротства, и хорошо знала их семьи. Сейчас она работает свечницей в одной из московских церквей и прекрасно знает местное сообщество. Первоначально она согласилась на интервью, но, обдумав задачу, вернулась с ответом: «… у нас в храме и в соседнем таких женщин нет. <…> есть много гос-, соцслужб, которые этим занимаются, сейчас даже беженцев всех дальше аэропорта не пускают, а сразу решают их проблемы. Бездомные все возле вокзалов. Мои коллеги тоже не знают таких случаев, их пациентки все платежеспособные».

Если человек лишается субъектности, он автоматически оказывается в чьем-то подчинении, становится своего рода собственностью, подконтрольной структурой. В этом контексте любое вмешательство извне воспринимается как вторжение на чужую территорию. В поле мы постоянно сталкивались с предостережениями в духе «не влезай — убьёт». Природа этих предостережений состоит в представлениях о том, как всё должно быть устроено, кто имеет право помогать и какими компетенциями для этого нужно обладать.

1.4. Описание трека с волонтерами

Хорошо понимая, что главным ограничением исследования является сам его предмет, а именно женская бездомность, мы решили расширить возможности собственного социального воображения и выбраться из информационного пузыря с помощью волонтёров-исследователей. Мы хотели посмотреть на уязвимость глазами как можно большего числа людей: разобраться, какие нарративы формируются, когда речь заходит о бездомности и уязвимости, о доме и помощи, понять, где люди начинают поиски, когда их задача — найти нуждающихся в поддержке.

Мы объявили open-call, в котором предложили участие в исследовании. Беря за вводное ограничение этические установки «Ночлежки», к примеру, убеждение, что

бездомность — не выбор, не характеристика человека, не вина, мы искали волонтёров в исследовательских каналах (группах ключевых гуманитарных университетов Москвы и Петербурга), а также в чатах, близких к «Ночлежке»: личном телеграм-канале Дарьи Байбаковой, чатах предшествующих исследований с участием волонтёров. Мы просили откликнувшихся указать, имеют ли они опыт социологических или других исследований, а также опыт волонтёрства.

В течение первых суток с момента объявления набора откликнулась без малого сотня человек. Все анкеты мы изучили и пригласили к участию тех, чей академический или волонтёрский бэкграунд показался нам релевантным. Помимо того, понимая сензитивность поля, мы приглашали в группы только тех, чьи профили в социальных сетях были открыты и чья личность могла быть подтверждена реальными людьми.

В итоге отбор прошли 65 человек из Москвы и Петербурга.

Для волонтёров, как уже было сказано выше, был проведён экспресс-курс, посвященный основам антропологического подхода и полевым методам работы. Далее участникам было предложено разбиться на мини-группы до 4-х человек. Чтобы в своей работе команды могли выходить за пределы привычных рамок и взглядов, мы предложили объединяться с теми, с кем волонтёры до сих пор не были знакомы и с кем имеют различающийся жизненный опыт, предусмотрев так, чтобы в каждой команде оказался и человек с опытом волонтерской помощи бездомным или другим уязвимым группам, и человек с антропологическим и социологическим или другим исследовательским опытом.

Сперва волонтёры внутри групп обсуждали, что в их представлении есть дом и бездомность, описывали свой опыт, определяли, где проводят границу, говоря об уязвимости и бездомности, а дальше интервьюировали друг друга, чтобы с одной стороны попробовать, что собой представляет глубинное полуструктурированное или неструктурированное интервью, а с другой — окинуть взглядом набор смежных тем, возникающих в разговорах на предложенную тему. В итоге рефлексия и возвращение к собственным определениям, что такое дом и его отсутствие лично для каждого, стали точкой отсчета перед погружением в наблюдения и знакомство с самоопределениями женщин своих или чужих бездомных состояний. Такую же точку калибровки мы взяли для себя и в другие слои исследовательского поля — с «Артелью» и с сотрудниками «Ночлежки».

Ключевой задачей волонтеров была автоэтнография. Участники групп заполняли дневники самонаблюдения, где рассказывали о том, что происходит с ними и их представлениями о женской бездомности в ходе исследования. Одни делились тревогами, видя сходство между собой и исследуемыми женщинами, другие испытывали раздражение и фрустрацию, работая с неназванным, нечетко определённым, третьи сталкивались со страхом навредить самим фактом разговора и описывали тревогу от новой роли или изменения прежней. Весь этот материал дам нам не просто колоссальный контекст более строгого исследовательского антропологического поля с глубинными интервью и наблюдениями, но и позволил в этой питательной среде сформировать общие выводы.

На всём пути исследователям были доступны групповые и индивидуальные супервизии, где мы предлагали помощь и поддержку, обсуждали этические вопросы и утверждали трек дальнейшей работы. Часть волонтёров перешла от внутригрупповых интервью к работе с уязвимыми женщинами. Нашей задачей не была запись как можно большего числа интервью за счет участия волонтёров. Главный наш интерес заключался в том, чтобы совместно вообразить как можно больше путей, которые ведут женщин к уязвимости и бездомности, а нас — к ним.

В результате работы мы получили то, чего хотели: мы не только получили портреты женщин, которые оказались на грани бездомности, но и смогли подобрать концептуальную рамку, которая покрывает собранный материал. Об этом подробнее будет сказано во втором разделе настоящего исследования. Однако мы также надеемся в отдельной аналитической работе отрефлексировать и подробно изложить все подводные камни, сложности, но и преимущества получившегося варианта гонзо-антропологии.

1.5. Наблюдение

Нам было любопытно исследовать момент встречи запроса на поддержку и того предложения, которое есть у помогающих проектов. Мы наблюдали его в хостелах, МФЦ, точках раздачи еды и гуманитарной помощи при православных храмах. Важно оговориться, что эти наблюдения не могут быть основой исчерпывающего анализа помогающей сферы и не планировали ими быть. Зато они позволяют ещё немного расширить репертуар жизненных обстоятельств и сценариев, которые подводят женщин к черте бездомности и/или крайней степени уязвимости.

Одной из точек нашего наблюдения стал московский капсульный отель, расположенный неподалеку от метро Белорусская. От рядового хостела это место отличается устройством «капсул» — это койко-места, где можно переночевать, физически закрытые от других постояльцев стенами спальных ячеек. В сравнении с другими московскими гостиницами и отелями это место предлагает ценник чуть ниже среднего и подкупает локацией и оформлением. Пространство выглядит современным, дизайнерски оформленным, устроенным с заботой об удобстве постояльцев. Мы описываем это место так подробно, чтобы подсветить контраст между авансценой и сюжетами, которые приводят женщин в этот отель.

Суммарно в отеле обустроены порядка сотни блоков. Они располагаются в смешанном зале, где могут останавливаться и мужчины, и женщины, и в отдельном — исключительно женском. Есть также парные блоки, где могут одновременно останавливаться двое.

Среди постоялиц женского отсека были молодые китаянки, практически не говорящие на русском. Устройство их быта подсвечивало, что женщины эти живут тут дольше, чем пару ночей — на кухне в общих холодильниках была приготовленная на несколько дней вперед домашняя еда. В душевых они стирали бельё и вывешивали его сушиться в общих зонах. Держались чуть более уверенно, чем те, кто заселился только

что. Как минимум, разбирались в том, как устроены электронные замки, где находятся розетки и выключатели, в какое время стоит отправиться в душ, чтобы успеть воспользоваться горячей водой. Из-за языкового барьера, увы, нет возможности понять, в каком состоянии находятся эти женщины: чем занимаются, как оказались в отеле и насколько довольны положением своих дел. Примечательно в контексте нашего исследования только то, что, в отличие от других увиденных нами женщин, они вели себя свободно и открыто: не закрывали дверь капсулы, говорили в полный голос (возможно, чувствуя себя в языковой безопасности).

Одной из неожиданных постоялиц оказалась женщина, которой навскидку можно дать около 60 лет. На фоне молодых девушек и женщин она выделялась в первую очередь возрастом, а во вторую тем, что постоянно говорила по телефону. Из обрывков разговоров стало ясно, что в Москву женщина приехала из Великого Новгорода, чтобы пройти лечение. По телефону её сопровождала дочь, которая пыталась сориентировать мать в незнакомом городе. Капсульный отель, судя по комментариям женщины, её мало устраивал: тяжело было забраться ползком внутрь отсека, смущал шум и слышимость, также она делилась с дочерью страхом потеряться, опоздать на приём, остаться без связи из-за блокировок.

Наблюдаемая ситуация — пример временной фактической бездомности: вынужденного попадания в чужой город, невозможности пользоваться привычными путями и решениями. Любопытно, что этот трек однако оказался частью предлагаемой маршрутизации ОМС. Когда региональные возможности медицины оказываются недостаточными для пациента, его перенаправляют в федеральные центры. Но инфраструктура, обеспечивающая быт человека в новом для него городе, к заботе Минздрава не относится. Мы не берёмся в рамках этого исследования более глубоко анализировать эту лакуну, но видим, что это одна из точек, которую можно обозначать как кризисную.

Другим пространством, где мы наблюдали сценарии уязвимости, стали городские многофункциональные центры. И здесь особое внимание мы обратили не на самих женщин, приходящих сюда с разными нуждами, а на устройство диалогов между сотрудниками и посетителями. Примечательно, что здесь, в отличие от благотворительных некоммерческих организаций, основной акцент делается на услуге, которую оказывает МФЦ, а не на статусе человека, который за ней обращается.

Чтобы оформить заявление на поддерживающие выплаты, женщине не нужно определять себя как бездомную, малоимущую и так далее. Нужно обозначить, что речь идёт о заявлении на пособие по безработице, многодетности, инвалидности и так далее. Неожиданным образом риторика МФЦ оказывается сфокусирована на обстоятельствах жизни, а не на личных характеристиках. Однако сложность заключается в том, чтобы понять, как в установленной здесь терминологии принято обозначать те или иные обстоятельства. Знание о том, какие кодовые слова нужно произнести, чтобы получить нужную услугу, можно добыть у информационной стойки — своего рода ресепшен — на входе в МФЦ. Задача администраторов этой стойки — вычленение из сюжета, который описывает посетитель, те обстоятельства, по которым можно подать заявление или получить помощь. Часть людей приходит, уже зная нужные слова: кто-то идёт путём, который уже проходили его/её знакомые, кто-то

готовится заранее, изучая варианты получения помощи самостоятельно или с помощью юристов. Однако люди, как правило, приходят с набором проблем, зачастую взаимовлияющих. Тем временем задача администратора — не разобраться детально в положении дел обращающегося, а ускорить движение потока и увеличить проходимость. К тому же сами сценарии, с которыми обращаются люди, не всегда описаны протоколами.

Мы наблюдали женщину с ребёнком, которая пришла в МФЦ, чтобы подать заявление на выписку из квартиры, которую она продаёт. Она сообщила администратору, что находится в разводе и о том, что происходит с её мужем и где он находится, не имеет представления. Глядя в инструкцию о снятии с регистрации несовершеннолетнего, сотрудница МФЦ отметила, что в комплект документов должно входить заявление от отца. Когда заявительница вновь указала на факт развода, сотрудница МФЦ попросила о паузе и ушла советоваться с коллегами. Вернувшись, она подала клиентке чистый лист бумаги и попросила её составить заявление в свободной форме, где она обратится к сотрудникам МВД (которые занимаются вопросами регистрации) и объяснит, что приложить заявление от отца ребенка невозможно. Женщина попросила продиктовать ей текст обращения, и после надиктовывания шапки и основных смысловых фраз, сотрудница добавила, улыбаясь: «Напишите, что не знаете, где его носит, и вообще что о нём думаете». В этой точке произошло переключение фрейма: сотрудница МФЦ добавила в формальный разговор эмоции и оценочные суждения, продемонстрировала солидарность и, возможно, сочувствие. У нас нет возможности узнать, помогло ли такое заявление решить задачу клиентки, но для неё, очевидно не первой женщины с ребёнком, находящейся в разводе, у системы спланированного трека не нашлось. Здесь, как и в сюжете с женщиной, приехавшей в Москву на обследование из Нижнего Новгорода, включается ручной режим управления обстоятельствами, который если не усиливает уязвимость человека в моменте, то как минимум подсвечивает её.

Схожую логику мы встретили и в разговоре с помогающими специалистами «Ночлежки» — петербургскими юристами и специалистами по социальной работе. Юридическая практика сталкивается с тем, что законодательство, ориентированное на «усреднённого» гражданина, делает женщин невидимыми, и даже использование феминитивов в судах вызывает негативную реакцию. В официальных документах женщины чаще всего фигурируют как «лица» или «истцы», а в бытовом дискурсе правоприменителей преобладают стигматизирующие ярлыки.

Социальные работники отмечают, что клиентки редко называют себя «бездомными», предпочитая описывать конкретные жизненные обстоятельства, такие как насилие, утрата жилья или семейные конфликты. Помощь женщинам часто осложняется отсутствием специализированных приютов и необходимостью преодолевать бюрократические барьеры. Государство замечает женщин преимущественно через призму материнства или факта насилия, однако наличие детей или статус пострадавшей не гарантируют быстрого получения помощи из-за жестких требований к регистрации и документам.

2. «Опыт есть, а женщин нет»: особенности и варианты (само)определений женской бездомности, или метод Cherchez la femme

Отдельно важно оговорить наименования того явления, которое мы взялись изучать. Парадоксальным образом именно «бездомность» как термин мы осознанно не использовали. Это своего рода методологический, а точнее — эпистемологический сдвиг: мы пробуем менять сам язык описания феномена, чтобы выйти за пределы смысловых ограничений. Выражаясь же не академически, но максимально точно относительно того, что в действительности было сделано, мы занимались поисками женщин. Ключевое предположение рабочей группы строилось вокруг мысли, что буквально каждая женщина в своём жизненном треке может оказываться в ситуации уязвимости или быть определена окружающими как нуждающаяся в помощи. Эту гипотезу подсказала логика выстраивания системы помощи благотворительной организации «Ночлежка», утверждающей, что риск бездомности касается любого человека, живущего в современной России. Нашей задачей было определить сценарии жизни женщин, наиболее близких к бездомности в самом широком понимании этого слова (включая скрытую, временную, мерцающую), но для начала стоило определить само слово «бездомность» через женский опыт в большом городе. И на этом моменте всё оказалось непросто, поскольку главное наблюдение оказалось в том, что у самих женщин в разнообразных сложных обстоятельствах крайне редко происходит идентификация с образом «бездомная женщина», и крайне часто таким ярлыком наделяют женщин другие люди: как близкие, так и, чаще, институции, исследователи и эксперты. В этой главе мы покажем основные сюжеты построения критериев бездомности извне и изнутри такого состояния и в конце придем к спектру вариантов определения и одновременно конструирования состояния бездомности женщинами в собственном опыте проживания в городе.

2.1. Языковая игра и сопротивление определению себя как «бездомной»

Чаще всего женщины, с которыми нам удалось побеседовать, не называли себя бездомными всерьёз. Некоторые отмечают, что, попав в ситуацию жилищной уязвимости, шутили об этом, называя себя «бомжихами» в коммуникациях с друзьями, чтобы сделать ситуацию менее страшной посредством юмора, но при этом с меньшим энтузиазмом смеялись над теми же шутками, когда их перенимали другие.

Наряду с употреблением по отношению к себе производных слова «бездомность» в качестве шутки или полушутки, растягивая дистанцию между собой и собой-в-уязвимом-положении, также часто встречается нарратив «я не бездомная, потому что есть вот те, кому хуже, и они — настоящие бездомные», что в конечном счёте также скорее направлено на конструирование не-принадлежности к группе «бездомные», чем идентификации с ней, и дополнительным лейтмотивом всегда идёт необходимость и даже потребность «держать лицо» перед близкими, а иногда и вообще всеми горожанами.

Одна из информанток (пожилая женщина, живущая в коммунальной квартире, но находящаяся на грани потери жилья) на вопрос о том, не пробовала ли она

обратиться за помощью, которую ищет (психологической, юридической, материальной — одеждой и питанием), в «Ночлежку», возразила, что там помогают «другим», «настоящим бездомным», не таким, как она.

Молодая женщина пересказывала разговор со своей сестрой, которой однажды высказала идею о том, что их семья находится в состоянии «скрытой бездомности» (избегая общения с отцом, уходящим в запои, сёстры и их мать часто вынуждены искать временное жильё), — на что получила саркастичный ответ, что эта бездомность вполне «открытая» и «настоящая». На последовавший вопрос о перспективах получения помощи собеседница ответила, что никогда не считала возможным обращаться со своими проблемами к государственным службам, НКО или благотворительным проектам — потому что всегда есть «те, кому хуже» и «кто живёт на улице» (им помощь «нужнее»).

Другая женщина своей биографией проиллюстрировала один из часто фигурирующих мотивов не-обращения за помощью — поддержание определённого «достойного» образа в глазах своего социального окружения (в её случае этот образ был изначально задан её семейным бэкграундом). Своими выборами в поиске работы (в пользу более «престижной» — даже если таковая была более сложной и долгой в плане трудоустройства и менее стабильной в финансовом плане) или ночлега (в пользу постоянного поиска «вписок» у друзей) женщина старалась как бы маскировать положение своих дел. Так, она стремилась, даже работая в сфере услуг, выбирать более «модное» заведение, чтобы не упасть в глазах друзей, которые узнают о её занятости. Ища ночлег, она не просилась к друзьям на ночёвку, но шла в гости и как бы невзначай оставалась до утра. Рассказывая о возобновлённом после нескольких лет перерыва общении со старой подругой, женщина пересказала, что та перестала общаться с ней, потому что увидела, как она, «такая классная, учившаяся в хорошей гимназии и СПбГУ, вдруг скатилась», и ей (подруге) стало «не по себе». Сама она, рефлексируя об этом периоде нестабильности в её жизни сегодня, называет эту потребность поддерживать образ «бременем», мешавшим ей получить помощь тогда, когда она так в ней нуждалась и, более того, знала, что получить её возможно.

У одной из наших исследовательниц есть подруга, живущая в Петербурге в съёмном жилье и прописанная в своем родном городе, которая в повседневных разговорах часто говорит про себя (в частности про себя и своего партнера) «да мы ж бомжи», например, говоря об отношении к ним в больницах и прочих учреждениях (имея в виду, что нет петербургской прописки, нет денег на платные услуги, поэтому и отношение к ним не как к людям с подобными привилегиями). В интервью она избегала говорить о себе столь резко, но, вспоминая ситуацию, когда от нехватки денег на аренду квартиры снимала неблагоустроенный дом в садоводстве, употребила это слово: «Ну, вот было такое, что 25 часов (в сутки) я долбаный макет делала. Причем тоже без окупаемости. Ну, вот с такими нанимателями только в таких домах и жить. И это вот, да, это вот ещё чуть-чуть — это просто бомж с животными на руках».

Одна из респонденток, услышав про «Ночлежку» в приглашении на интервью, ответила, что нас [исследователей], наверное, бездомные интересуют, а она не бездомная. Мы уточнили, что для интервью нужны разные женщины, «у которых не

все в жизни гладко», и тогда она ответила: «А, женщины с приключениями [интересуют]? Ну да, мне есть что рассказать».

Остановимся детальнее на примерах «мы ж бомжи» и «А, с приключениями женщины [интересуют]?». Примечательна в них категория числа и лица. Особенно — лица.

2.2. Практики самоназывания и деперсонализация как приём отстранения

Коммуникативные ситуации, в которых мы работали, можно базово разделить на две категории: говорение о себе и говорение о другом. Во втором случае мы просили собеседников и собеседниц рассказать о женщинах, которые, по мнению информанта, уязвимы или находятся в опасности, нуждаются в помощи. В тех же случаях, когда мы говорили с уязвимыми женщинами напрямую, нетрудно было заметить, что помещение себя в какую-либо из категорий и использование любых определений вызывает ступор и сопровождается паузами хезитации. Прежде чем начать рассуждение о специфике такой коммуникации, хочется сделать шаг в сторону теории, связанной с грамматическими категориями. Это позволит понять, что стоит за теми паттернами, которые мы зафиксировали, работая в поле. По определению, приведенному в «Теории функциональной грамматики», «персональность — это семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему» [Бондарко, 1990].

Персональность как семантическая категория

Э. Бенвенист противопоставляет 1-е и 2-е лицо вкупе 3-му лицу, «не-лицу» в его терминологии: «В первых двух лицах одновременно выражается лицо и то, что говорится об этом лице. “Я” обозначает того, кто говорит о одновременно подразумевает высказывание о “Я”: говоря “Я”, нельзя не говорить о себе. Во втором лице “ты” по необходимости обозначается через “Я” и не мыслится вне ситуации, предложенной от “Я”; в то же время “Я” высказывает нечто как предикат к “ты”. В третьем лице предикат также выражен, но вне сферы “Я–ты”; эта форма таким образом исключена из отношения, характеризующего “Я” и “ты”». Проводя такое разграничение между формами 1-го + 2-го лица и 3-го лица, Э. Бенвенист ставит под сомнение определение формы 3-го лица как такового. Он оперирует тем фактом, что в случае употребления 1-го и 2-го лица под ними понимается лицо конкретное, т. е. говорящий и явленный/подразумеваемый слушатель. Тогда как третье лицо не выражает никого конкретного. Это всегда переменный элемент.

Следовательно, под «третьим лицом» понимается всё, что не вовлечено в сферу собственно лица (то есть «Я-ты»). Подобное положение объясняет особые случаи употребления третьего лица в речевых ситуациях. Имеются в виду те случаи, когда третье лицо используется для обращения к присутствующему в ситуации коммуникации. Такое употребление возможно либо с целью возвышения собеседника, и в этом случае мы имеем дело чаще всего с этикетными формулами («Разве вы, ваша светлость, сами не замечаете, когда водка плохая, а когда — хорошая?»)[Ксения Букша. Эрнст и Анна (2002)], либо, наоборот, с целью принижения некоего участника коммуникации, оттеснения его за пределы межличностного контакта.

Каждое употребленное «я» отсылает к новому субъекту. Оно не может быть объективно соотнесено с действительностью в целом, но соотносится с «реальностью речи». «Я» значит «человек, который производит данный речевой акт, содержащий “я”. Данный речевой акт по определению является единственным и действительным только в своей единственности». То есть «я» может быть определено и соотнесено только посредством речевого акта. Выводом из данного наблюдения является поправленное определение «я», приведенное Э. Бенвенистом: «Я — это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы “я”».

В материалах интервью примеров деперсонализации и говорения о себе в третьем лице было немного, однако логика зафиксированных примеров требует рефлексии. Третье лицо, помимо нарочитого подчёркивания статуса, может быть маркером самодискриминации (прим.: «Нашему брату о таком мечтать не приходится») и обозначения своего подчинённого положения. Классические художественные примеры — литания героини к/ф «Любовь и голуби», кричащей: «Мать дура, мать плохая», то ли цитируя дочь, то ли отстраняясь от самой себя. Это способ передачи оценки себя и своих поступков кому-то внешнему. Если «я» — буквально маркер самости и агентности, то «она» — пример отстранения и расщепления.

«Баба как баба, только ничего не сложилось», — описывала саму себя в рамках интервью женщина, потерявшая мужа [Екатерина] и согласившаяся на интервью не как нуждающаяся в помощи женщина, но как готовая указать на подруг, оказавшихся в нужде. Отказ от перволичной категории в сюжетах про собственную уязвимость архаичен: в диалектах центральной части России нередко можно записать тексты, где пожилые женщины будут говорить о себе в третьем лице: «Баба старая стала», «Баба в поликлинику ходила». Чаще всего коннотация такого высказывания будет негативной.

Как справедливо замечает О.С. Иссерс, «…коммуникация — это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации может быть рассмотрена как серия решений говорящего. Большинство из них принимаются неосознанно, автоматически, однако ряд ситуаций требует осознанного поиска» [Иссерс, 2024].

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что способ, выбранный для выражения персональности (в частности — обозначения говорящего лица), как раз относится к тем решениям, которые языковая личность принимает с теми или иными коммуникативными целями. Предполагаем, что цель наших информантов состояла как раз в том, чтобы оградиться от ассоциации с женской бездомностью, неустроенностью. Возможно, это также попытка обозначить собственное отношение к уязвимости, заявить его раньше собеседника, чтобы не столкнуться с болезненным опытом унижения.

«Инвалидку кто возьмет? Инвалидка не надо. Так что как-нибудь сами, что ли, будем справляться» [Валентина В. около 70 лет]. Так одна из наших собеседниц обозначала свое нежелание обращаться за помощью, называя инвалидкой саму себя (не имея притом каких-либо оформленных документов, подтверждающих статус человека с инвалидностью, но описывая таким образом ощущения от собственного физического состояния).

О себе как о бездомных преимущественно наши собеседницы не говорили, использовали формулы о трудных периодах в жизни, упоминали кейсы, когда жили по друзьям или временным пристанищам: «Я могла жить в хостелах, и первое время я так и перебивалась там по каким-то хостелам, по друзьям…», — такие цитаты легко найти в интервью с женщинами, которые отказывались относить себя к бездомным. Ещё одна собеседница делилась, что не уверена, что подходит для интервью: «У меня был период, да, в жизни, когда мне, ну, мне было где жить, я могла жить с мамой, но у нас были очень сложные отношения, поэтому жить я с ней не хотела…».

Это сюжеты, в которых наши собеседницы смотрят на себя с внешней позиции. Можно, однако, предположить, что, таким образом отказываясь от одной агентности, они забирают себе другую агентность — в вынесении оценок, — не желая делегировать это право обществу или стороннему наблюдателю. Таким образом, они как бы возвращают себе контроль: «Да, оценка будет негативной, но это будет моя оценка». С другой стороны, они отказываются от собственного личного пути в пользу некоего обобщения и (не)принадлежности к воображаемой группе. Говорение о себе — по сути практика конструирования идентичности, присвоения статуса или отказа от него. Последнее мы как раз часто фиксируем в нашем случае.

2.3. Фольклоризация образа бездомного и расчеловечивание опыта бездомности

Хочется подчеркнуть то, что мы часто обсуждали на встречах, что нередко всплывало в интервью и в разговорах о волонтёрском треке: образ бездомного человека стигматизирован. И неважно, какое слово использовать, — «бомж», «бич» или «бездомный», — все они в той или иной степени несут на себе печать стигмы.

Наименования оказываются стигматизирующими, поскольку отсылают к конкретному персонажу, а не к опыту или ситуации. В то время как другие понятия базируются на состоянии, на некоторой процессуальности и априорной возможности присутствия этого опыта в жизни каждого человека.

Возникает вопрос: почему, какой бы язык или этические нормы говорения мы ни вводили, всё равно всё упирается в персонификацию и фольклорный образ? Вероятно, потому, что за бездомностью прочно закреплены стигма и страх. В их основе лежит базовая оппозиция человеческой культуры — деление на «своих» и «чужих».

Ольга Белова, этнолингвист, фольклорист и антрополог, специализируется на изучении образа «чужого»: этнического, социального, фольклорного или мифологического. В сферу её интересов входит всё, что связано с инаковостью: от представлений о евреях и «инородцах» до образов ведьм и прочих персонажей [Белова, 2005]. Она, в частности, вывела список характеристик, по которым конструируется образ «другого» в народной культуре [Белова 2016] и одновременно по этому же перечню мы собираем для себя и образ «своего» – нормального человека, такого же, как мы:

- внешность (могут приписываться аномальные или даже зооморфные признаки, что подчеркивает маркирование как не-человека);

- запах (специфический запах становится частью семиотического поля чужой культуры);
- «неправильное» поведение (с точки зрения носителя местной традиции поведение «чужого» обусловлено «чужими», то есть неправильными, греховными, демоническими ритуалами и обычаями);
- язык («чужой» может распознаваться «по-неправильному» с точки зрения носителя традиции языка и речи).

В крайней степени чуждости — Инаковости — персонажам приписывается также отсутствие души и обладание сверхъестественными свойствами. Спектр этих представлений очень широк. Особенность этих маркеров в том, что при появлении хотя бы одного из них — если он присущ человеку или ему приписывается — автоматически подтягиваются все остальные. На примере бездомных это прослеживается особенно четко: их устойчивый стереотипный образ складывается именно из подобных характеристик. Всё это, с одной стороны, подчеркивает чуждость персонажа, а с другой — закрепляет ощущение несовместимости его опыта с нашей привычной жизнью и невозможности идентификации с таким персонажем по собственной воле, то есть самому.

Любой человек стремится быть частью социальной структуры, какого-либо социума. Это порождает множество страхов, которые выливаются в специфические установки: например, что с бездомными нельзя разговаривать или что делать это нужно как-то иначе, не так, как с обычными людьми. Или убеждение, что их нужно искать в каких-то странных «складках» городского пространства. Это ярко проявилось в нашем волонтёрском треке. На рефлексиях мы четко зафиксировали установку: многие из нас, и экспертов, и наших собеседниц, считают, что только институция может брать на себя ответственность за взаимодействие с бездомными, а отдельный человек — нет, потому что это якобы опасно для всех. Этот сложный комок, состоящий из обоснованных этических предписаний и фольклорных стереотипов, удерживает данный феномен в нереальном пространстве, совсем не связанном с повседневной жизнью.

Чтобы увидеть не «персонажей», а реальные ситуации, случающиеся с людьми, — такие же, как те, что происходили или могли произойти с тобой, но были тобой преодолены, — нужно приложить немало усилий. Процесс обратного «очеловечивания» бездомных, а особенно бездомного опыта, который может быть или мог быть и лично твоим — даже для исследователя задача непростая. Особенно если опираться на логику воображаемых сообществ, представляя себе бездомных как множество, живущее по определенным, отличным от нормальных, законам.

Почему важно смотреть на это не как на отдельную группу с набором специфических характеристик? В том числе потому, что у людей в целом и у женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, в частности, когда они лишаются жилья или сталкиваются с другими социально и экономически опасными обстоятельствами, не происходит идентификации со стереотипным образом бездомного. Более того, существует внутреннее отторжение самой мысли о такой идентификации. Поэтому женщины часто оказываются в помогающих организациях в результате случайной цепи событий.

Здесь возникает дополнительное противоречие: с одной стороны, существует общественная и исследовательская рефлексия феномена бездомности, в том числе женской. Мы пытаемся «очеловечить» эти ситуации и людей, попавших в них, уйти от статичного восприятия к пониманию динамики и процессуальности этого явления.

Но проблема в том, что стереотипы и фольклорная модель отношения к бездомному как к «чужому» — к чему-то «грязному» и «нечистому» в антропологическом смысле — всё ещё сильны. Мэри Дуглас, изучая запреты, связанные с чистотой, нечистотой и дихотомией «свой — чужой», как раз перенесла фокус на то, что нечистота — это не столько реальная грязь, сколько символ, знак того, что не принадлежит человеку и его культуре [Douglas, 1966].

Все эти установки существуют у самих женщин, попадающих в обстоятельства уязвимости, и они еще сильнее снижают шансы на то, чтобы начать осознавать себя в контексте бездомности или иным словом названной собственной уязвимости, и обратиться за помощью. Гораздо строже, как правило, оказывались внешние оценки их опыта, данные знакомыми, соседями, коллегами. Внешний взгляд, если не игнорирует проблему, то даёт ей определенные ярлыки.

2.4. Внешние маркеры определения женщины как бездомной или на грани уязвимости/бездомности

Формирование воображаемого сообщества бездомных, уязвимых, неблагополучных, находящихся в трудной жизненной ситуации (что бы под ней ни подразумевалось), во многом — логика и риторика, которую транслируют помогающие институции как государственного, так и негосударственного формата, а также исследователи и эксперты темы бездомности.

Критерии и наименования

В основе этой типологизации лежат варианты ненормативного экономического положения, которые интерпретируются как свидетельства неблагополучия: долги, отсутствие регулярного или достаточного заработка, банкротство, финансовая неграмотность. Другой порядок определения кризисности формируются по принципу переноса от «неблагополучного» близкого, родственника, супруга или опекаемого — человека с опытом тюремного заключения или зависимостью, иждивенца в терминологии госструктур (малолетних детей, тяжело больных родственников, престарелых родителей). Обременение заботой становится маркером кризисности. Сам этот статус первоначально задаётся ближайшим кругом и перенимается помогающими организациями и государственными институциями в тот момент, когда женщина и/или её нуждающиеся близкие обращаются за помощью, то есть попадают в поле зрения системы.

Достаточно смело жители и жительницы Москвы и Петербурга определяют «бездомными» своих дальних и близких знакомых. Часто такими определяющими фактический статус женщины людьми оказываются близкие друзья и родственники, которые оказываются глубоко погружены в фактическое положение дел.

Здесь важно подчеркнуть конфликт с самоощущением определяемых через ярлык бездомности женщин: мы часто наблюдали ситуации и рефлексии о прошлых состояниях наших собеседниц, и боязнь такого диагностирования себя зачастую сильно сдерживала женщин делиться с кем бы то ни было (и с близкими людьми, и с институциями) своими сложностями и фактическим положением дел, всё больше и больше дистанцируясь от привычного поддерживающего круга общения, от близких и родственников, выключаясь из профессиональных и других всевозможных социальных связей, чтобы «сохранить лицо». При этом современные социально-психологические и феминистские исследования говорят нам о том, что для женщин в большей степени, чем для мужчин, важна опора на «близкие» связи и критичен опыт совместного проживания в этом кругу трудных моментов своей личной биографии [Тихомирова, Самохвалова, Сапоровская, Хазова, 2023]. Для женщин близость и поддержка социального окружения часто имеют более высокую ценность, чем для мужчин. Это связано с гендерными ролями, социально-культурными факторами, особенностями восприятия близости и эмоциональной нагрузки. Опыт совместного проживания в трудных ситуациях становится для женщин важным ресурсом, позволяющим справляться с неопределённостью, стрессом и социальной изоляцией. Кроме того, еще в 2000 году Шелли Э. Тейлор (Shelley E. Taylor) — американский психолог, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA), пионер в области социального познания, психологии здоровья и социальной нейробиологии — предложила особую модель того, как женщина реагирует на стресс. Эта модель, названная tend-and-befriend («заботься и сближайся»), объясняет, почему для женщин в большей степени, чем для мужчин, важна опора на близкие связи и критичен опыт совместного проживания трудных моментов. Эта модель была разработана Тейлор и её коллегами в 2000 году и противопоставляется традиционной модели «бей или беги» (fight-or-flight). Согласно теории Тейлор, женщины в ответ на стресс склонны защищать, заботиться о других и искать поддержки у членов своей социальной группы для совместной защиты. Это поведение обусловлено эволюционными факторами: в прошлом женщины, особенно матери с детьми, не могли позволить себе реагировать на угрозу агрессией или бегством, так как это угрожало выживанию потомства [Taylor etc 2000].

2.5 «Дом» как ключ к (само)определению бездомности

Как в разных академических традициях исследования бездомности, так и в дискурсе, транслируемом в обыденных представлениях, «дом» часто оказывается перенасыщенной лексемой, стягивающей значения из разных исследовательских и социальных контекстов. Первая крупная проблема в понимании «дома» как аналитической категории связана со специфической многозначностью слова в русском языке: контекстуальность проблем, связанных с домом в широком понимании, при переводе англоязычных текстов часто теряется без специальных пояснений. Так, ключевыми словами в обозревании проблем, связанных с домом как физическим явлением, наличием или отсутствием у человека во владении (или доступе) конкретного помещения, в котором могут быть удовлетворены базовые потребности, в англоязычных социальных, медийных или академических дискурсах могут выступать «house», «housing policy» и прочие термины. Такие тексты могут в зависимости от

задач и фокуса затрагивать или обходить проблемы «homelessness» — как правило рассматривающей «дом» как некий комплекс социальных отношений или определённую степень социальной, семейной «устроенности» на фоне «неустроенности» жилищной («houseless»).

В тех или иных коммуникативных ситуациях наши информантки могли называть себя, своих знакомых или абстрактных других «бездомными», имея в виду, например, один или несколько аспектов из перечня (это неполный список возможных):

- у человека, о котором идёт речь, нет жилплощади в собственности;
- при наличии жилплощади в собственности, но отсутствия к ней доступа или желания делить пространство с другими членами семьи нет возможности купить или арендовать другое жильё;
- при наличии физического пространства во владении или аренде нет временной или постоянной регистрации по месту жительства.

Проблемы этого спектра (которые можно было бы охарактеризовать скорее как housing problems) с разной степенью успешности компенсируются социальным ресурсом (и психологическим, и соматическим — определяющим возможность вкладывать силы в социальный): возможностью, способностью и готовностью обращаться за помощью к государственным службам, НКО, родственникам, друзьям, знакомым и незнакомым людям.

Джулиет Уотсон, рассматривающая в своём исследовании феномен survival sex (вступления женщин в сексуальные отношения в обмен на получение посредством этого ресурсов, необходимых для выживания) среди молодых бездомных женщин в Австралии, отмечает, что потребности, ради удовлетворения которых её информантки шли на подобную «транзакцию», далеко не всегда сводятся к первичным, как принято называть потребности в месте ночлега, еде, базовых ресурсах для обеспечения жизни. Равноправными и порой даже более весомыми в нарративах бездомных женщин выступали потребности в «защите от насилия, чувстве стабильности, эмоциональной поддержке, социальных связях» [Watson 2018. P. 4], не удовлетворяемые в ситуации бездомности, но удовлетворение которых в конечном счёте было более значимым маркером обретения дома, чем удовлетворение первичных потребностей.

О подобных «символических» аспектах дома пишут многие исследователи, отмечая, что важными элементами определения дома могут являться ощущение безопасности, приватности и стабильности, чувство принадлежности и пр. Потеря женщиной дома (как непосредственного места проживания) в большей степени, чем в случае мужской бездомности, связывается во внешнем восприятии с нарушением нормативной гендерной социализации, «нереализованностью», «неполноценностью». Исследователи объясняют это в частности тем, что свойственное традиционной культуре ассоциативное связывание женщины и «женских» ролей (матери, жены, хозяйки) с заботой о доме и семье воспроизводится и за пределами этой культуры в представлениях, рассматривающих женскую бездомность как более девиантную [Mayock, Bretherton 2016]. Как отмечает исследовательница Евгения Кузинер, «понятия “женщина”, “семья” и “дом” со временем утрачивают силу своей связи, но эта связь

объясняет особое маргинализированное положение бездомной женщины» [Кузинер 2024. С. 51].

2.6. Типология вариантов уязвимости (бездомности) женщин

Мы типологизировали опыт наших собеседниц — женщин, находящихся в уязвимом состоянии, с которыми мы общались как напрямую, так и с помощью волонтёров, — и выделили несколько вариантов проживания бездомности (экономическая, социальная, психологическая, соматическая и коммуникативная) и одновременно определения через проговаривание нам этого своего опыта и рефлексии о том, насколько он повлиял или не повлиял на восприятие жизни. В определенных случаях многие типы пересекаются, но часто существуют в жизни человека в конкретной ситуации как некая базовая довлеющая надо всей текущей повседневностью модель. Каждый тип — это, с одной стороны, совокупность причин, приводящих к сложному состоянию. Но здесь важнее даже не сами причины, а своего рода прагматика — «застревание» в определенном состоянии через конкретный триггер.

Варианты бездомных ситуаций в женском опыте в рамках жизни в большом городе

1	Экономическая	Жилищная нестабильность усиливается ограниченными возможностями самостоятельного заработка (из-за состояния здоровья, нестабильной занятости или переходных жизненных этапов — возрастных, карьерных и проч.). Отсутствие возможности закрыть эти «промежуточные» потребности вынуждает женщин чаще полагаться на социальное окружение, справляясь с ситуацией материальной уязвимости
2	Социальная	Доступ к жилью и/или поддержке часто определяется наличием и качеством социальных связей (партнёры, друзья, знакомые), которые могут временно компенсировать отсутствие институциональной помощи, за которой женщины обращаются как правило в последнюю очередь
3	Психологическая	Стремление сохранять формат «нормальной» жизни и поддерживать существующий (в представлениях ближайшего социального окружения) образ себя (например, как «достойного» человека, человека из «благополучной семьи» приводит к откладыванию или избеганию обращения за помощью; страх стигмы и потери социального

		статуса становится важным фактором принятия решений
4	Соматическая (физическая)	Когда причиной и основой нахождения в ситуации бездомности и в том числе безысходности попадания в неё является несоответствие своего физического состояния «норме» здорового человека
5	Коммуникативная	Женщины часто используют коммуникативные стратегии маскировки своей уязвимости (юмор, эвфемизмы и пр.), что позволяет сохранять социальный статус. Отстранение от институциональной помощи позволяет дистанцироваться от стигмы, часто накладываемой обществом на тех, кто обычно эту помощь получает («бомжи», «бездомные»). С другой стороны, такие коммуникативные стратегии маскировки затрудняют само обращение за помощью (при выведении ситуации в поле юмора опция получения помощи дискурсивно как бы не существует).

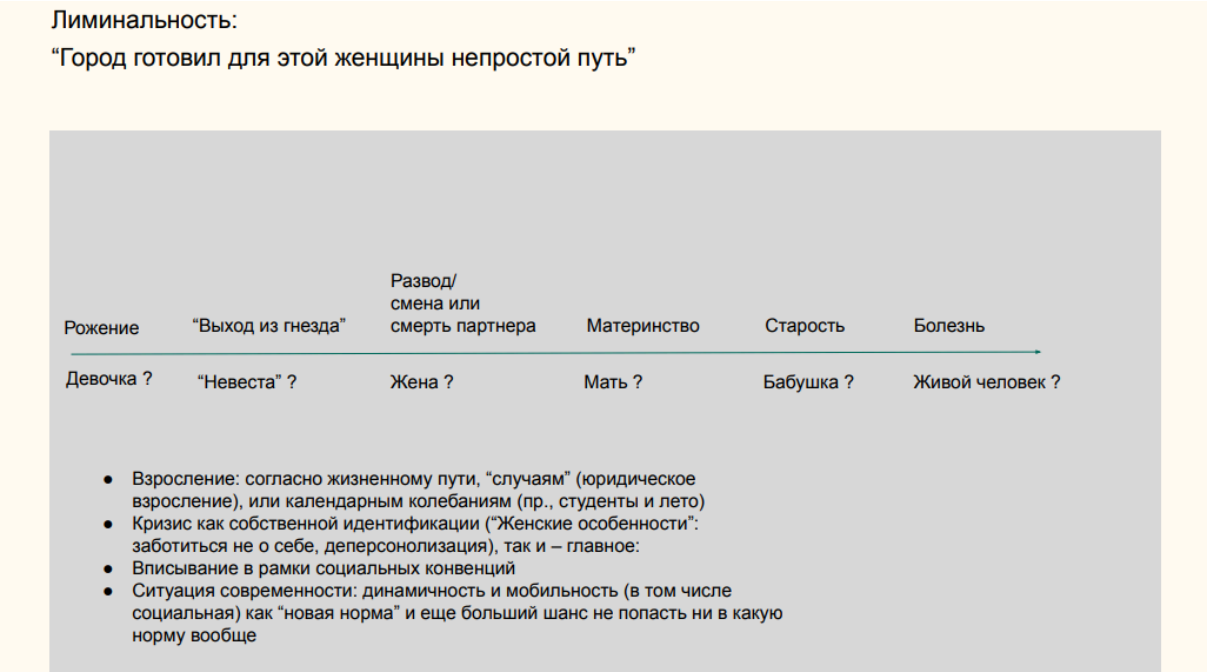
Если экономическая модель — это прямая бездомность, когда человек теряет жилье или не способен его приобрести, то в женских историях мы гораздо чаще видим четыре другие модели. Например, в ситуации соматической модели человек выпадает из привычного восприятия себя как полноценного члена общества. Сюда относятся не только проблемы с физическим здоровьем, но и, например, нейроотличия, из-за которых человек перестает ощущать себя «таким же, как все» (см. подробнее в отчете работы одной из волонтерских команд — Приложение 4).

3. Стратегии проживания ситуации бездомности женщинами в большом городе

В рамках данного исследования мы рассматриваем наши эмпирические кейсы женщин разного возраста и социально-экономического положения. Общим для них является сочетание внешних маркеров благополучия со скрытой уязвимостью, которая проявляется в конкретных жизненных ситуациях и практиках, часто невидимых для внешнего наблюдателя или намеренно скрываемых от него, в то время как женщина находится в темном лесу бесконечной, но никак не начинающейся и не заканчивающейся инициации.

Анализ кейсов позволяет рассматривать описываемые ситуации через призму лиминальности — состояния неопределённости, характеризующееся отсутствием «точек опоры», присутствующих в жизнях женщин в другие периоды или знакомые им по предыдущему жизненному опыту. В состоянии такой лиминальности размываются привычные социальные статусы и роли, а условий для оформления или закрепления новых нет. Как пишут Олсон и Адоньева в своей работе, посвящённой жизненным трекам женщин русской деревни и примерам нарративов, связанных с ключевыми этапами их жизни, «Статус человека изменяется, общество начинает встраивать его в соответствующую группу, а внутренние чувства человека говорят ему, что он — прежний. Так, молодая мать удивляется, что её прежние бездетные друзья начинают относиться к ней по-другому; или пожилая женщина одевается как подросток, потому что продолжает чувствовать себя молодой. Человек вырастает из своего привычного поведения, как ребенок из одежды. Драматизм этой ситуации заключается в том, что сменить такую одежду не легче, чем поменять кожу: кризис психологически переживается как потеря идентичности. Мы предпочитаем определять идентичность не как статус, но как процесс. Ритуалы перехода обеспечивают этот процесс, представляя собой процедуры идентификации — обучения новым идентичностям. Они символически устраняют прежние идентичности, показывая человеку, что он уже не тот, кем был раньше» [Олсон, Адоньева, 2016]. Но если мы находимся в плоскости гомогенного пространства (не-городского) с превалирующей картиной мира, задающей варианты движения вдоль своего «жизненного цикла», то в большом городе эти точки опоры становятся многовариантными. В условиях усложнённой современной реальности, когда необходимо не только вовремя менять свой статус, но и выбирать, в рамках какой картины мира или системы координат это стоит делать именно тебе, сейчас усложняет и без того существующий конфликт между ожиданием от женщины исполнения традиционных гендерных ролей и одновременно с этим проживания успешной жизни (и карьеры) жителя мегаполиса.

Суть в том, что в жизненном треке человека могут сталкиваться два потока: с одной стороны — течение жизни, биологический возраст и социальные предписания о том, что «должно быть достигнуто» к определённому сроку. С другой — событийный ряд: поступление в университет, его окончание, поиск работы, смена статусов.



И во всех случаях, когда мы сталкиваемся с женской уязвимостью, причина кроется в этом разрыве: старый статус уже перестал действовать, а новый ещё не сформировался.

Поступление в вуз также нередко происходит именно в момент подобного столкновения, особенно если оно связано с переездом в другой город. Но чаще — с окончанием университета и необходимостью примерить на себя новую роль. В случае с женским опытом это накладывается на конвенциональные ожидания продолжения определенной линии: женщина должна превратиться из девочки в невесту или «девку», что в традиционных обществах Русского Севера по сути означало девушку в предсвадебном состоянии, в поиске жениха.

И поскольку у женщин желание выбирать иные жизненные пути и подобные стремления не всегда социально приемлемы или реализуемы, с одной стороны, представители старшего поколения могут транслировать ожидания, близкие «традиционным» (желать матримониальной реализации дочери в роли невесты, жены, хранительницы очага), и с другой — сама современная женщина, выросшая в большом городе или переехавшая в него ради поступления в университет или поиска работы, оказывается окружена дискурсом необходимости профессиональной реализации, автономии и городскими социально-экономическими условиями, требующими этих реализации и автономии. Часто такая противоположность семейного/традиционного и общественного/городского комплексов ожиданий создают определённый конфликт, провоцирующий ухудшение отношений с семьёй (их ожидания нарушаются, если женщина выбирает не соответствующий им жизненный сценарий) и усугубляющий уязвимое положение женщины, так как она часто продолжает заботиться о семье, соответствуя не только семейным, но и общественным представлениям о «хорошей дочери».

Так, одна из наших информанток была вынуждена пойти на формальное сохранение брака (при том, что фактически партнёры разошлись) для сохранения репутации и рабочих возможностей мужа (будучи религиозным служителем, он мог бы потерять сан вследствие развода). Однако, когда фактически бывший супруг оказался серьёзно болен, формально поддерживаемый брак обязал женщину заботиться о мужчине. Так она оказалась в некотором промежуточном, подвешенном — лиминальном — состоянии, где роль супруги одновременно отсутствовала и утратила своё главное содержательное наполнение, и поддерживалась, обязывая вкладывать свой психологический и материальный ресурс в заботу о другом.

В приведённых примерах можно наблюдать паттерн, повторяющийся в биографиях и историях многих женщин в уязвимой ситуации: *длительное пребывание в переходном состоянии без последующей стабилизации и закрепления нового статуса. В классическом понимании лиминальность предполагает временный характер и рано или поздно заканчивается, однако в анализируемых ситуациях она приобретает затяжной характер «застревания» или часто актуализируется заново после небольшого периода промежуточной стабильности.*

Такое «застревание» часто связано с *практиками заботы, в рамках которых женщины перераспределяют ресурсы в пользу других*, одновременно исключая себя из числа нуждающихся. Это приводит к накоплению уязвимостей и снижению возможностей выхода из неопределённого состояния. *В более широком контексте городской жизни подобные состояния можно рассматривать как формы «бездомного опыта», не сводимые к физическому отсутствию жилья.*

Важно отметить, что некоторые исследователи прослеживают связь специфики современной бездомности и отношения к ней с особенностями неолиберального дискурса, в рамках которого бездомные люди маркируются обществом как неуспешные субъекты, не сумевшие проявить достаточную степень организованности, ресурсности, моральной стойкости и целеустремлённости («предпринимательских черт», которые как бы должны быть свойственны правильному неолиберальному субъекту [Kelly 2006]). Такие люди признаются неуспешными, ответственными за собственное неблагополучие, без учёта структурных социальных проблем, что концентрирует ответственность на самих бездомных и дополнительно их стигматизирует. Причины особой интенсивности маргинализации и культурного отчуждения в отношении бездомных женщин Джулиет Уотсон видит в постфеминистском воплощении неолиберального дискурса, согласно которому женщинам предписывается избегать «женской» (ожидаемой от женщин в патриархальной культуре) жертвенности и доказывать, что они способны на те же автономию и самореализацию, что и мужчины, в экономических, политических и социальных условиях, не дающих им на это возможностей [Watson 2018]. Невозможность соответствовать не только «традиционным» представлениям о правильной женской реализации (хозяйки и жены, «хранительницы очага»), но и «новым» представлениям об успешном человеке, реализовавшемся невзирая на гендер, как бы усугубляют и без того в большей степени стигматизированное положение бездомных женщин.

3.1 Варианты лиминальных ситуаций в жизни женщины в большом городе: жизненный цикл

Выход из родительской семьи

Уход из родительской семьи не обязательно связан с пережитым опытом насилия. Часто его причина — отсутствие ресурсов и представление о необходимости помогать самой. Однако есть и деструктивные семьи, где сложные отношения с родителями (мамами, отцами, отчимами), переезды, возвращение невозможны, чтобы не сесть на шею родителям — созвучный кейс мужскому вахтовому про уезд из дома на заработки, только женщины уезжают, чтоб не быть лишними ртами.

Возраст перехода из «школьной» жизни во «взрослую» и/или студенческую (17–20 лет) — один из лиминальных этапов в биографиях женщин. Многие приехавшие в крупный город студентками из провинции получают материальную поддержку в ограниченном формате (или не получают вовсе), предпочитая не обращаться к семье за дополнительной помощью в случае форс-мажоров и жизненных неудач, чтобы «не обременять» родственников. Особенно это усугубляется при наличии младших братьев и сестёр или дополнительных семейных трудностей (например, наличие инвалидности у члена семьи) и по ходу взросления: к 25–30 годам набирает вес нарратив о том, что взрослая «хорошая дочь» должна сама помогать родителям.

Иногда уход из дома сразу после школы может быть связан с плохими отношениями с родителями. Особенно (как показывает наш материал) там, где девочки растут не с родными отцами. Несколько наших собеседниц рассказывали, что дом не был для них домом в полном смысле слова во времена старшей школы, потому что они не чувствовали там себя в безопасности. В таких случаях сам факт формального наличия дома не означает переживания дома как пространства защищённости и принадлежности.

В биографии одной из наших информанток опыт подростковых уходов из дома, ночёвок у подруг и перемещений между временными местами проживания формирует представление о доме как о чём-то ненадёжном и потенциально утрачиваемом. Даже последующее проживание с партнёром не обязательно воспринимается как обретение дома: чувство безопасности и принадлежности часто отсутствует и там. Собственное съёмное жильё может начинать восприниматься как «своё» только в тот момент, когда оно обеспечивает не только непосредственно физическое пространство, но также безопасность, автономию и предсказуемость.

У другой нашей собеседницы ранний переезд в Москву был мотивирован стремлением как можно скорее покинуть небезопасную семейную среду. Но отсутствие материальной поддержки и достаточного собственного материального ресурса приводило к жизни по знакомым, на «вписках», затем — в съёмных комнатах с крайне нестабильными условиями. В этом случае лиминальность проявляется не только как отсутствие жилья как такового, но и как отсутствие признанной социальной позиции: женщина уже вышла из детского статуса, но ещё не приобрела устойчивого взрослого.

Для другой информантки невозможность одновременно учиться и обеспечивать себя самостоятельно при отсутствии со стороны семьи привела к отказу от получения

образования в пользу выживания, а затем — к переезду в Москву и череде временных мест проживания: хостелов, жилья друзей, дешёвых съёмных квартир. Здесь лиминальность усиливается ещё и биографической неопределённостью: отсутствие образования, стабильного достаточного дохода и определённой профессиональной траектории делает переход ко «взрослой жизни» растянутым во времени и нестабильным.

«Юридическое взросление»

«Детский» (в представлениях государства) статус может до определенной степени служить защитой от потери дома в нестабильной жилищной ситуации и отсрочивать неизбежное наступление проблем. Так, в истории одной из женщин с опытом бездомности, её мать приобрела квартиру в позднесоветские годы посредством заключения фиктивного брака. Но впоследствии родственники «фиктивного» партнёра предъявили право на жилплощадь и отстояли его в суде. Однако решение о выселении женщины (тогда ещё бывшей подростком) и её матери не вступало в силу до наступления совершеннолетия нашей информантки: так она фактически оказалась «на улице» и без возможности получить социальную поддержку от государства.

Важным фактором является получение наследства и отношений с родными. Так, Марьяна рассказывала, что в какой-то момент, когда она уехала из родного города в Москву, сёстры жили уже отдельно, в родительском доме оставался один папа, и ему стало тяжело жить самостоятельно. Тогда средняя сестра забрала папу к себе, а старшая въехала в большую родительскую 4-комнатную квартиру со своей дочкой (из своей однокомнатной): «И квартира как бы получилась пустая. В этот момент Оксанка переехала в квартиру с Лизой. [Ага. То есть она даже не ухаживала за папой?] Нет. Папа жил у Тани. А Таня жила, соответственно, в своей квартире. <...> [А как это было мотивировано?] Ну, никто не говорил, просто въехали, да и всё. Как-то они там с Танькой это порешали. Не знаю. [Ну, вот, получается, после смерти папы как-то, наверное, встал вопрос про наследство, да?] Ну, как бы Оксанка уже жила там, он не вставал. Я до сих пор не получила документы свои, какие-то вот эти бумажки принесли. <…> Ну, это просто подвисший нерешенный вопрос уже, блин, уже скоро 20 лет как. Я на этом уже поставила крест и как бы живу, как живу. То есть я просто не рассчитываю, в принципе, на эту долю, на эту собственность, что она, в принципе, моя».

Замужество и развод

Формальное заключение брака и сохранение брачного статуса по окончании романтических отношений оказывается важным фактором в определении жилищной ситуации и доступа к социальным ресурсам.

Одна из наших информанток получила возможность проживать в квартире по социальному найму вместе со своим мужем, имевшим право на такое жильё по инвалидности. Когда умерла его мать, также проживавшая в социальном жилье, он получил возможность оставить за собой обе жилплощади. После прекращения романтических отношений партнёры договорились не расторгать брак, чтобы женщина (наша информантка) могла занимать одно такое пространство (комнату в коммуналке,

где раньше жила мать её мужа): при расторжении брака за мужем осталось бы право лишь на одну комнату.

Сейчас женщина находится в положении, напрямую зависящем от дальнейшей жизненной траектории её бывшего партнёра: если он захочет заключить другой брак, первый будет расторгнут — и она потеряет жильё; если он решит переехать и приватизирует своё нынешнее жильё для получения от него пассивного дохода, он потеряет право на социальный найм второго помещения, и она также потеряет жильё.

Известны также истории романтических отношений, не связанных с заключением брака, но стабильно продолжавшихся на протяжении многих лет и со временем переставших удовлетворять женщину, которая откладывала их прекращение, чтобы продолжать жить в квартире своего партнёра за неимением жилищных альтернатив. Часто катализатором для разрыва становилась возможность переехать к новому партнёру или к друзьям, готовым длительно поддерживать женщину в ситуации жилищной нестабильности.

Евгения рассказывала об одном периоде своей жизни так: «…Вот, а потом я встретила, не помню, каким образом, свою эту первую любовь. Из 98-го года, которого я все эти годы не забывала. И тоже были прекрасные пару лет. <…> Я переехала к нему в З-дск. И тоже чудесно, мы как бы там жили, я работала в чайной. И прямо тогда был какой-то вообще тоже снова рассвет. Было достаточно денег, потому что квартиру снимал Сашка.<…> [А вот этот период, когда ты ещё не переехала к Саше, как долго ты так жила по друзьям?] Я думаю, месяца 3–4. Да, я боюсь, что мои многие отношения начинались как раз с целью решения жилищного вопроса. Вот. Ну, то есть, оно не было так явно, но оно было явно такой скрытой мотивирующей силой. Ну и вообще, то есть, отношения начинались, да, куда-то пристроиться, да, куда-то вот, ну, прилипнуть».

Однако долго в доме партнёра, Саши, Евгения не продержалась — вскоре пришло разочарование, чувства остыли. «А я тогда, просто, я поняла, что я уехала на какой-то фестиваль, и поняла, что не хочу с него возвращаться <…>. Вот, а я от Сашки-то уехала из этого З-дска. Я тоже скиталась по друзьям».

Однако у той же Елены было и обратное. После расставания с Сашей и жизни по друзьям она нашла хорошую комнату в коммунальной квартире в самом центре, работала недалеко в чайной. И жизнь, казалось, шла вполне тихо и спокойно, но появилась новая любовь — харизматичный и начитанный молодой человек, употреблявший наркотики. «И, ну, буквально спустя там несколько месяцев я потеряла вот эту комнату на Чистых, потому что он туда приводил каких-то тоже своих неадекватных друзей. Вот, и нас оттуда выгнали. [А он к тебе прямо жить переехал?] Да, потому что у него негде было жить, у него не было работы. Ну, короче... какие-то начались снова эти скитания».

Людмила, приехавшая в Ленинград в молодости учиться, рассказывала, что закончила институт, устроилась на работу на завод и получила место в общежитии от завода, и тогда стала встречаться с ленинградским мужчиной, собиралась за него замуж. Однако, когда она забеременела, её партнер и его семья не предложили ей никакой поддержки: «Ленинградский мужчина… я не ожидала, что такая семья будет,

то есть они... Как бы с такими вопросами. Я жду ребёнка, а его родственники мне говорят — а где твое приданое? Ну, вот с такими замашками. <...>. Ну, люди, как бы сказать, не то чтобы образованные, но просто по душевным качествам, ну не совсем». В итоге Людмила родила ребенка одна, и ей пришлось отвезти его на воспитание к своим родителям, потому что в Ленинграде у нее не было никакой поддержки.

Старение как лиминальный период

Границы старения стремительно стираются как юридически, через повышение пенсионного возраста, так и коммуникационно: само слово «старый»/«старая» маркируется как оскорбительное, негативное, невежливое. Однако остается очевидным, что с возрастом сил и физических возможностей становится меньше, а ресурсов и поддержки требуется больше. В логике атомизирующегося общества, где дети и родители разъезжаются, где всё чаще принято жить раздельно, а структуры государственной поддержки, отвечающей запросам людей и представлениям о гуманном подходе к помощи, нет, старость становится периодом уязвимости.

Показателен кейс одной из наших информанток, уже упоминавшийся выше. Формально её положение может быть описано как относительно благополучное: она проживает в квартире в центре Петербурга, получает пенсию, не находится в ситуации уличной бездомности. Однако её повседневность организована вокруг постоянной заботы о других — больном бывшем супруге и внучке, — что фактически лишает её ресурса на заботу о себе самой.

В разговоре женщина определяет себя через заботу о близких. Она называет себя бабушкой, матерью (вспоминая о покойном сыне), опекуном (говоря о муже, которого мужем уже не считает), и с трудом мыслит себя вне этих ролей. Реализация актуальных жизненных стратегий, например, воспитание и образование внучки, в речи женщины звучит как продолжение линии сохранения лица и маски благополучия. Лиминальность в подобных ситуациях проявляется в неартикулированности собственной уязвимости, непризнании за собой права на внешнюю поддержку и определение такой потенциальной потребности исключительно в логике вины и стыда.

3.2. «Календарная» лиминальность

Академический календарь

Календарь академической жизни иногородних студентов, обучающихся в университетах, определяет месяцы наибольшей жилищной и ресурсной уязвимости. Так, некоторые учебные заведения сохраняют практику выселения студентов из общежитий на лето до следующего учебного года (заселяя заново в августе или сентябре). Но даже в случае отсутствия этой практики студенты, окончившие одну ступень образования (бакалавриат, магистратура) и планирующие поступить на следующую (магистратура, аспирантура) оказываются в подвешенном состоянии: уже выселены из одного общежития, но ещё не заселены (и не знают наверняка, будут ли) в другое.

Лето как время палаток и экспериментов со своим образом жизни

Если при этом летний сезон совпадает с периодом отъезда из города (к родителям, в экспедицию — в случаях специальностей и образовательных программ, предполагающих летние командировки), временный съём жилья оказывается ещё менее выгодным решением, и многие предпочитают отказываться от него, временно определяя вещи на хранение у друзей и ещё больше полагаясь на случай (в случае неполучения общежития при неудачном поступлении или при отсутствии такой опции на новой ступени время на поиск съёмного жилья и средств для этого съёма ещё больше сокращается).

Наша собеседница, Евгения, рассказывала, как они с молодым человеком как-то жили все лето в лесу: «…И вот мы жили там у этого друга. Это тоже было как-то ужасно. И потом мы в какой-то момент поехали в лес. Там такая поляна есть под С-м. Ну, такое сочное место. И мы там просто поставили сначала палатки, потом привезли типуху. И вот всё лето до конца сентября мы жили. В этом лесу. [А где вы мылись, что вы ели?] В реке. Ну, туда приезжали разные люди, тоже привозили какую-то еду. <…> Вот, потом наступила осень, я поехала жить к друзьям. И вот как-то, то есть, сначала я жила у своих друзей, а потом мы жили... Потом мы какое-то время тусовались, попали на “Г-цу” - это такая арт-резиденция. Потом я снова жила у друзей. А потом мы снова поехали на Г-цу. И там я, наверное, прожила год. Подрабатывая уже внутри на этой Г-це. [А что ты там делала?] Я там готовила еду, убиралась, готовила хостел к приезду гостей. Какие-то мероприятия организовывала, занялась, там, огородом: выращивала, там, ну, рассаду, потом огород. И тоже там было как-то, то есть мы жили, как вот, ну, в хостеле, там, отгороженной фанеркой, там, ну, почти не высыпалась, тоже, ну, личного пространства, вот этого всего тоже не было, <…> конечно, вот отсутствие отдельного туалета, душа, это все, конечно, очень, да, угнетало».

Когда одна из наших исследовательниц была в палаточном лагере на Шиесе в 2019 году (где люди жили, чтобы не допустить стройки мусорного полигона), некоторые активисты делились своими историями, как они съехали с арендованной квартиры на месяц, два, а иногда и больше, потому что решили, что неразумно тратить деньги на аренду. Рассказывали даже случай, что женщина сдала свою квартиру на несколько месяцев, уехав на Шиес, чтобы деньги от арендаторов тратить на нужды палаточного лагеря.

Наша собеседница Анна, работающая в приюте в Подмосковье, тоже рассказывала историю, что у них в приюте была семейная пара (муж — инвалид на коляске), которая лишилась квартиры, и летом их знакомые поселили у себя на даче: «…А потом, когда зима началась, нас попросили вот их забрать в приют. Они у нас вот жили». Потом мужчине оформили пенсию по инвалидности, жена устроилась на работу, и они смогли снять себе жилье.

3.3. Ситуативная потребность в смене статуса

Лиминальность как выпадение из «нормы здорового человека»

Невозможность обеспечивать себя из-за проблем со здоровьем усугубляет жилищное и материальное положение и иногда становится поводом для образования

тандемов с другими людьми в критической ситуации (для минимальной взаимной поддержки) и косвенной зависимости от помогающих организаций. Так, женщина, имеющая несколько физических и психических заболеваний, коморбидно отягощающих друг друга, нашла жильё, неофициально поселившись со знакомой, живущей в собственной квартире, но нуждающейся в уходе из-за тяжёлой шизофрении и не имеющей родственников, кто мог бы помочь ей в быту. Первая женщина помогает ей поиском еды (посещает фриганские точки, остановки «Ночного автобуса», где берёт порции на себя и свою соседку-знакомую), но при этом в силу собственных проблем со здоровьем не может помочь хозяйке своего жилья улучшить их жилищные условия — провести дезинсекцию, выкинуть мусор, починить трубы и так далее. Не может она и надеяться на своевременную и достаточную помощь от своей соседки в случае, если ей самой станет плохо: в дни ухудшения самочувствия она приходит из дома в пункты обогрева, чтобы не остаться одной в случае, если потеряет сознание.

Лиминальные состояния и периоды требуют от женщин поисков решений: самостоятельных или с посторонней помощью. Любопытно, что в поисках этих решений женщины нечасто обращаются в помогающие некоммерческие и государственные организации и институции. Отчего так происходит, рассмотрим в следующей главе.

4. Отношение к помогающим организациям и институтам и практики обращения за помощью у женщин в большом городе

Образ помогающей организации и его восприятие как места, чуждого социальному кругу, которому принадлежит (или хотела бы принадлежать) женщина, определяет модель взаимодействия с этой организацией и часто оказывается препятствием на пути к получению помощи.

Так, женщина, нуждающаяся в тёплой одежде и не имеющая средств на её покупку, помогает «Ночлежке» собственными старыми вещами, пополняя ассортимент «Пункта выдачи». При этом сама она «из брезгливости» не пользуется им, избегая находиться среди «обычных» получателей помощи: «Я не пойду в душ, я не хочу получить вшей!» Также она боится прийти за обувью, «чтобы не заработать грибок».

Другая информантка, в течение некоторого периода жизни не имевшая дома и средств к существованию, не рассматривала вариант обратиться в «Ночлежку» ни за юридической консультацией, ни за питанием или одеждой, чтобы не оказаться среди «алкоголичек и наркоманок». Позиционируя себя как «достойного человека» (большую роль в этом играют петербургское происхождение, богатая семейная история, учёба в хорошей гимназии и престижном университете), она предполагала, что будет испытывать стыд, если поместит себя в среду людей, с которыми не хочет себя идентифицировать, или если кто-то из знакомых узнает, что она находится в подобной среде. Рассуждая об этом, человек опирается в первую очередь на «стереотипный» образ государственных учреждений, оказывающих социальную помощь (серое здание с облупившимися стенами, решётки на окнах, неприветливые сотрудники), предполагая, что помощь бездомным даже в негосударственной НКО не может принципиально отличаться от подобного формата.

Хочется отметить важные моменты относительно образа помогающих организаций и траектории обращения — или необращения — за помощью. Важно оговориться, что предложенные размышления касаются не только «Ночлежки», но и других помогающих организаций — коммерческих, некоммерческих, социальных.

Первая выделенная нами формула описывается кратко словосочетанием: «Это слишком». Здесь возникает развилка: либо «слишком хорошо», либо «слишком плохо». Она возвращает нас к размышлениям о том, насколько человек считает себя «подходящим» для получения помощи. Некоторые женщины считают, что в «Ночлежке» помогают только тем, кто успешнее их, у кого кейсы гораздо легче. Другие, наоборот, отмечали, что организация предоставляет лишь базовую гуманитарную помощь — еду и ночлег, — а им требуется нечто гораздо более серьезное.

Здесь мы обращаемся к размышлениях о фандрайзинговых и коммуникационных ловушках. Помогающие организации транслируют набор образов, с которыми женщины на самом деле не солидаризируются. Образы могут быть либо слишком благополучными, либо, наоборот, чересчур драматичными, но так или иначе они не попадают в зону узнавания. Таким образом, женщины не видят сценариев, с которыми могли бы соотнести собственный опыт, и не замечают той помощи, которая могла бы быть им действительно нужна. Притом понятна логика самих организаций:

создание персонажей, выстраивание историй успеха и обращения внимания на проблему.

Отдельного внимания заслуживает тема дара: по принципу реципрокности и дарообмена многие наши собеседницы предполагают, что любые поддержка или помощь должны быть чем-либо компенсированы. И здесь, помимо идеи о прямой денежной оплате, возникает более интересный и неожиданный аспект — плата своей «социальной обнаженностью».

Принимающий помощь оказывается как бы вынужденным транслировать свою уязвимость так, чтобы она стала известна посторонним людям, в том числе широкой аудитории. Личные истории превращаются в собственность организации и перестают быть пространством приватности. «Мерцание» бездомности оказывается тем интенсивнее, чем шире круг людей, которые её опознают. Пока ты находишься в ближайшем окружении, указать на тебя могут только близкие друзья — например, шепнув: «Вы только не говорите Зине, но у неё не все хорошо». В этом случае именно этот круг занимается поддержкой.

Круг проблем расширяется, их глубина растёт, и вероятность того, что женщина не справится самостоятельно, становится выше. В какой-то момент ситуация выходит на уровень «знают все». Это крайняя точка, где уязвимость становится заметна даже незнакомцам, когда уязвимость начинает считываться посторонними людьми по внешним признакам — для женщин, с которыми мы общались, это своего рода точка невозврата. Отсюда возникает убеждение: обращение за помощью не укрепляет позиции, а, наоборот, подрывает их, так как утрачивается капитал собственной приватности.

Продолжает череду барьеров к обращению за поддержкой тяжелый опыт взаимодействия с помогающими организациями и социальными структурами, будь то больницы, полиция или органы опеки. Негативный опыт переносится автоматически на любую инстанцию. Как правило, женщины, столкнувшиеся с осуждением, отказами и порицанием властей и/или институциональных администраций, скорее обратятся за личной поддержкой к другим женщинам, чем пойдут в официальные учреждения. Отдельный важный момент — шаткость равновесия: чтобы обратиться за помощью, часто необходимо остановить инерцию привычной рутины и решиться пойти туда, где человек не привык ожидать и тем более получать помощь. Обращение за поддержкой — это всегда дополнительный риск, а значит, и дополнительная уязвимость.

При этом отказ от обращения за помощью не всегда связан только с недоверием или негативным опытом. В ряде случаев он может рассматриваться как способ сохранения собственной агентности — отказа передавать право распоряжаться своей жизнью внешним институтам, включая государственные и некоммерческие организации. Сохранение автономии в принятии решений и контроле над собственной биографией оказывается значимее, чем потенциальный доступ к ресурсам помощи.

Заключение

Здесь мы еще раз вернёмся к нашим основным выводам и наблюдениям по всем изложенным выше главам, а также наметим векторы, куда хотелось бы углубиться в дальнейших шагах исследования женского опыта в большом городе в контексте проживания «трудных моментов», или ситуаций бездомности.

(1) Особенности определения собственного и чужого опыта как бездомного

- КОНСТРУИРОВАНИЕ НЕ-ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Анализируя то, как в речи в разных бытовых ситуациях жительницы большого города маркируют себя или знакомых женщин как бездомных, заметно, что: (1) маркирование происходит прежде всего других, но не себя, и (2) в своём же случае чаще всего происходит конструирование отчуждения от воображаемой группы бездомных и феномена бездомности в целом (также предполагающего некоторую объемность и фатальность, «клеймо на всю жизнь»), а не принадлежности к ней. Принадлежность же к группе бездомных наблюдается, как правило, в сообществах вокруг определенных проектов, и особенно мы можем сказать такое про проекты «Ночлежки». Нам удалось пилотно проанализировать структуры сообществ вокруг проектов «Ночлежки». И хотя это несколько выходит за рамки нашего основного исследования о женской бездомности, считаем важным отметить замеченную интуицию, и точно хотелось бы углубиться в этот фокус отдельным подробным исследованием. На данный момент можем заметить, что внутри сообществ, которые включают в себя как минимум сотрудников, клиентов и волонтеров, формируется не просто стереотипный, стигматизированный фольклорный образ бездомного человека, но возникает феномен, часто приписываемый субкультурам — спор за «аутентичность»: появляется разделение на «настоящих» и «ненастоящих» бездомных. Таким образом, «бездомность» становится своего рода статусом — это не назвать привилегией, но это позиция, за которую приходится бороться. С одной стороны, это может оказаться полезным (из позиции участника таких споров): ты укореняешься в сообществе, что для бездомных является важным моментом (укорениться и тем самым «одомашниться» хоть где-то). С другой стороны, наличие «настоящих» нуждающихся во многом определяет нежелание тех, кто такой статус себе не присвоил, обращаться в подобные институции.

- ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Наиболее важными приемами отчуждения от бездомности как феномена и как «диагноза» становятся языковые: самоназывание себя бездомной только в шутку и, что встречается сильно чаще в наших данных, — отстранение и от собственного опыта, и от воображаемого сообщества через деперсонализацию, — говорение о себе в ситуации уязвимости в 3-м лице.

Это сюжеты, в которых наши собеседницы смотрят на себя с внешней позиции. Можно, однако, предположить, что, таким образом отказываясь от одной агентности, они забирают себе другую агентность — в вынесении оценок, не желая делегировать это право обществу или стороннему наблюдателю. Таким образом, они как бы возвращают себе контроль: «Да, оценка будет негативной, но это будет моя оценка». С

другой стороны, они отказываются от собственного личного пути в пользу некоего обобщения и (не)принадлежности к воображаемой группе. Говорение о себе — по сути, практика конструирования идентичности, присвоения статуса или отказа от него; последнее мы как раз часто фиксируем в нашем случае.

- ФОЛЬКЛОРИЗАЦИЯ БЕЗДОМНОСТИ И БЕЗДОМНОГО [ЧЕЛОВЕКА]

Наименования оказываются стигматизирующими, поскольку отсылают к конкретному персонажу, а не к опыту или ситуации. В то время как другие понятия базируются на состоянии, на некоторой процессуальности и априорной возможности присутствия этого опыта в жизни каждого человека.

- ВНЕШНИЕ МАРКЕРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЕЗДОМНОСТИ

Не-себя определять как бездомного гораздо проще, и это происходит достаточно часто — как помогающими государственными и негосударственными организациями и экспертами с ними связанными, так и «обычными» жителями города. Инвариантным ядром маркеров бездомности в обоих этих дискурсах является совокупность вариантов ненормативного экономического положения женщины (отсутствие дома в собственности, достаточной зарплаты, достаточного достатка семьи в целом, обременяющие долговые обязательства, обязательства заботится о многих других и пр.) и внешних «фольклорных» характеристик, восходящих к образу уличного бездомного: неопрятная и грязная одежда и внешний вид в целом, ненормативный запах, речь и «странное» поведение в общественных местах.

При этом смелость в определении статуса женщины как бездомной и «в трудном положении», и даже зачастую не просто смелость, а патерналистски обусловленная необходимость, реализуемая как акт гражданской помощи ближнему со стороны близких людей или институций, приводит к формированию тенденции ещё большего сокрытия собственных трудностей и избегания всех социальных связей, которые между тем крайне важны для женских вариантов проживания стресса и трудностей на своем пути, подразумевающих стратегию «заботься и сближайся», а не «бей или беги».

- ВАРИАНТЫ ЖЕНСКОГО ОПЫТА, КОТОРЫЕ НАИБОЛЕЕ ЧАСТО СВЯЗАНЫ С ПРОЖИВАНИЕМ ТРУДНОСТЕЙ

На пересечении внешних и внутренних нарративов об определении положения женщин в конкретных сложных ситуациях как бездомных мы выделили 5 моделей проживания и одновременно определения таких состояний: экономическая, социальная, психологическая, соматическая (физическая) и коммуникативная. Если экономическая модель — это прямая бездомность, когда человек теряет жильё или не способен его приобрести, то в женских историях мы гораздо чаще видим четыре другие модели.

(2) Стратегии проживания бездомности женщинами в большом городе

Мы обнаружили, что, попадание в состояние бездомности на опыте наших собеседниц может быть определено как затяжная «трудная жизненная ситуация».

Анализ кейсов позволяет рассматривать описываемые ситуации через призму лиминальности — состояния неопределённости, характеризующегося отсутствием точек опоры, присутствующих в жизнях женщин в другие периоды или знакомые им по предыдущему жизненному опыту. В состоянии такой лиминальности размываются привычные социальные статусы и роли, а условий для оформления или закрепления новых нет. Длительное пребывание в переходном состоянии без последующей стабилизации и закрепления нового статуса постепенно становится единственно мыслимым, особенно в условиях избегания и разрыва привычных социальных связей и точек опоры. В классическом понимании лиминальность предполагает временный характер и рано или поздно заканчивается, однако в анализируемых ситуациях она приобретает затяжной характер «застревания» или часто актуализируется заново после небольшого периода промежуточной стабильности.

Такое «застревание» часто связано с практиками заботы, в рамках которых женщины перераспределяют ресурсы в пользу других, одновременно исключая себя из числа нуждающихся (а, например, согласно логике модели женской реакции на стресс «заботься и сближайся» должно быть устроено наоборот) . Это приводит к накоплению уязвимостей и снижению возможностей выхода из неопределённого состояния. В более широком контексте городской жизни подобные состояния можно рассматривать как формы «бездомного опыта», не сводимые к физическому отсутствию жилья.

Симптоматично, что многие наши собеседницы, которые маркировали какой-то из своих прошлых опытов как бездомный, делились с нами, что в моменте проживания и преодоления сложной ситуации им не хватало именно психологической поддержки и в проектах институциональной помощи, и в вернакулярной среде.

ВАРИАНТЫ ЛИМИНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ В ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

- Жизненный цикл: выход из родительского гнезда, замужество и развод, (не)рождение детей, старение;

- календарный цикл: несмотря на то, что, казалось бы, жизнь в мегаполисе не отличается ярко выраженной сезонностью в сравнении, например, с аграрными сообществами, и здесь случаются особенно «лиминальные» части года, а именно летний период, который, с одной стороны, совпадает с академическими отпусками и большими перерывами в учёбе и работе (и отсутствием на этот срок своего точного статуса, например, как студента, педагога или научного сотрудника), а с другой — тёплое время года располагает к кочевой и палаточной жизни, романтизация которой может приводить к определенным коллизиям. Во многом получается, что лето для жительниц Петербурга и Москвы — нестабильный период в сохранении или подкреплении своего социального статуса и его основ;

- ситуативная лиминальность, которая в наших случаях оказывалась связанной чаще всего с внезапными проблемами со здоровьем.

(НЕ)ОБРАЩЕНИЕ ЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОМОЩЬЮ

С одной стороны, дистанцирование от близких и привычных социальных связей и сетей социальной поддержки провоцирует женщину на обращение в «обезличенные» институты помощи. Но здесь мы также сталкиваемся со сгустком противоречий, скорее мешающих этому обращению со стороны женщин в сложной ситуации.

Прежде всего это отсутствие идентификации себя как с феноменом бездомности, так и с образом бездомной женщины.

В случаях же, когда такая идентификация насильно извне или самостоятельно происходит, мы сталкиваемся с тем, что женщины не обращаются за помощью ради (условно) сохранения собственной агентности, отказываясь передавать право распоряжаться своей жизнью внешним институтам, включая государственные и некоммерческие организации. Сохранение автономии в принятии решений и контроле над собственной биографией оказывается значимее, чем потенциальный доступ к ресурсам помощи, особенно если среди этих вариантов помощи не видится нужной именно тебе (например, потребность в психологической поддержке или солидаризации с другими женщинами, а не прохождение курсов финансовой грамотности или временного ночлега в приюте).

Также в ряде случаев необращение связано с недоверием, сформированном на опыте негативного контакта с помогающими институциями и экспертами, и, в том числе, с необходимостью отстаивать свой новоприобретенный статус бездомной как привилегию в новом социальном круге таких же «бездомных».

Приложение 1. Литература

1. Anderson N. The Hobo: The Sociology of the Homeless Man. The University of Chicago Press. 1923.
2. Bourgois P., Schonberg J. Righteous Dopefiend. University of California Press. 2009.
3. Douglas, Mary. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. London: Routledge, 1966.
4. Duneier M. Sidewalk. Farrar, Straus and Giroux. 1999.
5. Fisher P. J., Breakey W. R. Homelessness and Mental Health: an Overview // Homeless and Mentally Ill. Vol. 14, No. 4 (Winter 1985-86), pp. 6–41.
6. Frazier E. F. The Negro Family in Chicago. The University of Chicago Press. 1932.
7. Höjdestrand T. Needed by Nobody. Homelessness and Humanness in Post-Socialist Russia. Ithaca, NY, 2009.
8. Hopper K. Reckoning with the Homelessness. Cornell University Press. 2003.
9. Jenks C. The Homeless. Harvard University Press. 1994.
10. Kelly P. The Entrepreneurial Self and "Youth at-risk": Exploring the Horizons of Identity in the Twenty-first Century // Journal of Youth Studies, 2006. Vol. 9, No. 1. P. 17–32.
11. Lamb H. R., Talbott J. A. The homeless mentally ill. The perspective of the American Psychiatric Association // JAMA. 1986. № 256 (4; July 25). Pp. 498–501.
12. Liebow E. Tell Them Who I Am: The Lives of Homeless Women. Simon and Schuster, 1993
13. Mayock P., Bretherton J. Women's Homelessness in Europe. Palgrave Macmillan. 2016.
14. Mickay H. D. Juvenile Delinquency and Urban Areas. The University of Chicago Press. 1942.
15. Park R. E. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment // The American Journal of Sociology. 1915. № XX (5; March). Pp. 577–612.
16. Reckless W. C. Vice in Chicago. Patterson Smith. 1969.
17. Srole L., Langner T. S., Michael S. T., Opler M. K., Rennie T. A. C. Mental Health in the Metropolis: The Midtown Manhattan Study. McGraw-Hill. 1962.
18. Stevenson S. Crossing the Line. Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia. Ashgate Publishing Limited. 2006.
19. Sutherland E. Principles of Criminology. J.-B. Lippincott Company. 1947.
20. Taylor Sh. E., Klein L.C., Lewis B.P., Gruenewald T.L., Regan A. R., Gurung J. A. Updegraff. Biobehavioral responses to stress in females: tend-and-befriend, not fight-or-flight // Psychological Review. 2000. Vol. 107, 411–429
21. Watson J. Youth Homelessness and Survival Sex: Intimate Relationships and Gendered Subjectivities New York: Routledge, 2018.

22. Адоньева С.Б., Олсон Л.. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. Издательство: Новое литературное обозрение, 2016.

23. Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

24. Белова О. В. Этнокультурный стереотип: между нормой и антинормой // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2016. №2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-stereotip-mezhdu-normoy-i-antinormoy (дата обращения: 11.04.2026).

25. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Под ред. Ю. С. Степанова — М.: "Прогресс", 1974. - 446 с.

26. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л.: Наука, 1983

27. Бондарко А.В. Персональность. Залоговость // Теория функциональной грамматики: Персональность.Залоговость. — Л., 1990

28. Врублевская Полина Викторовна Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики // Пути России. 2025. №1.

29. Врублевская П., Елагина В., Крихтова Т., Орешникова Д. Бездомные российского мегаполиса: социально-демографический портрет, траектории попадания на улицу и отношение к помощи благотворительных организаций

30. Ван Геннеп, Арнольд. Обряды перехода : Системат. изучение обрядов / [пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской]. — М. : Вост. лит. РАН, 1999. — 198 с. — (Этнографическая библиотека / Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая) (Университетская библиотека / Культурология). — ISBN 5-02-018038-6.

31. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи Изд. 9, доп. 2024. 320 с.

32. Крихтова Т.М. Т.М. Видимость и невидимость посетителей центра дневного пребывания "Ангар спасения" // Фольклор и антропология города. 2024. Т.6. №4. С.8-25

33. Кузинер Е.Н. Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике // Пути России. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-kapital-i-bezdomnost-v-rossii-ot-teorii-k-praktike (дата обращения: 10.04.2026).

34. Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Сапоровская М.В., Хазова С.А.. Специфика близких отношений на разных этапах взрослости в современном мире // Российский психологический журнал. 2023. №2. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-blizkih-otnosheniy-na-raznyh-etapah-vzroslosti-v-sovremennom-mire (дата обращения: 11.04.2026).

35. Тэрнер В. Символ и ритуал. Сост. В. А. Бейлис и автор предисл. М. Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1983.

Приложение 2. Списки информантов

Собеседницы, интервью с которыми записаны исследовательской группой

1. Ж., 38 лет, женщина с опытом бездомности, Санкт-Петербург, зап. 16.02.2026.
2. Ж., 64 года, пенсионерка, живет в коммунальной квартире, Санкт-Петербург, зап. 30.01.2026
3. Ж., 23 года, активистка, Санкт-Петербург, зап. 9.02.2026
4. Ж., 38 лет, историк, чувствовала себя в кризисе идентичности и положения (бездомности), Москва, зап. 25.01.2026
5. Ж., 26 лет, студентка, Санкт-Петербург, зап. 5.02.2026
6. Евгения — Ж., 44 года, время от времени жила по друзьям, не имея возможности платить за жилье, Москва, зап. 15.02.2026
7. Ж., 30 лет, сотрудница IT-сферы, в студенческие годы жила по друзьям, т.к. были плохие отношения с родными, Москва, зап. 22.02.2026
8. Ж., 24 года, кондитер, с детства были трудности в семье, рано уехала в Москву и до сих пор живет по друзьям, Москва, зап. 22.02.2026
9. Ж., 42 года, дизайнер, сменила много съемных квартир, иногда потому что не хватало денег на аренду, Санкт-Петербург, зап. 1.02.2026
10. Ж., 26 лет, живет в квартире бывшего мужа, полученной им по инвалидности, Санкт-Петербург, зап. 10.02.2026
11. Ж., 24 года, живет в коммуне, работает на разных работах время от времени, Санкт-Петербург, зап. 17.02.2026
12. Ж., 22 года, студентка, живет в загородном коливинге, Санкт-Петербург, зап. 12.02.2026
13. Ж., 25 лет, студентка, живет в загородном коливинге, Санкт-Петербург, зап. 12.02.2026
14. Ж., 27 лет, студентка, живет в загородном коливинге, Санкт-Петербург, зап. 12.02.2026
15. Ж., 78 лет, пенсионерка, торгует книгами у метро, Санкт-Петербург, зап. 4.02.2026
16. Ж., 41 год, филолог, какое-то время жила в Москве по друзьям, Москва, 28.02.2026
17. Ж., 42 года, физик, разговор о трудностях жизни подруг без жилья, Санкт-Петербург, зап. 10.02.2026
18. Ж, 34 года, социальный работник, занималась помощью людям в трудных ситуациях, помогает в трудоустройстве в том числе бездомным, Москва, зап. 14.02.2026

19. Екатерина — Ж., 42 года, переехала из Беларуси, вышла замуж, развелась, сошлась снова, овдовела. Растит четверых детей. Зап. 14.02.2026, Москва
20. Валентина В. — Ж., ок. 70, одинокая пенсионерка, в летний период живёт за городом, зимой — в московской квартире. Дети умерли, родных нет. Серия диалогов с 1 по 8.02.2026, Москва
21. Майя — Ж. ок. 60, петербурженка, живёт в своей квартире, ухаживает за бывшим мужем с тяжелым заболеванием, опекает внучку после смерти сына. Зап. 25.02.2026, Санкт-Петербург
22. Ж., 48 лет, женщина с онкологией, Санкт-Петербург, серия диалогов
23. Валентина С., — Ж., 67 лет, не приватизировала служебную квартиру, опасаясь, что её проиграет зависимый брат-лудоман. Не вступила в наследство на родительский дом по той же причине. Брата давно нет в живых, но инерция принятого при его жизни решения сохраняется. Москва
24. Татьяна — Ж., 34 года, взрослая дочь зависимой матери, Санкт-Петербург, разговоры 1-2 марта.
25. Ж, 39, жительница р-на Арбат, часто общается с бездомными (в подъезде и на Гоголевском бульваре), у неё дома часто на разный (в том числе длительный) срок останавливаются друзья и знакомые.
26. Ж, ок 50, бездомная, серия диалогов на Гоголевском бульваре.

Экспертные интервью

27. Михаил Гардер, 39 лет, филолог, Москва, проводил исследования бездомных в Москве в рамках своей индивидуальной научной работы, зап. 8.02.2026
28. Татьяна Крихтова, 38 лет, антрополог, Москва, работала в проекте по изучению бездомных, зап. 25.02.2026
29. Леда Гарина, 44 года, руководительница проекта «Рёбра Евы», курировала исследование о жизни женщин, вовлеченных в проституцию, Санкт-Петербург, зап. 21.02.2026

Собеседницы, интервью с которыми записаны волонтёрами-исследователями*

30. Ж., 24 года, в 17 лет приехала в Москву из родного города, Москва, зап. 8.01.2026 команда 3, Москва
31. Ж., 59 лет, координатор проекта для детей-сирот, есть опыт работы с бездомными, зап. 16.02.2026 команда 6.
32. Ж., 65 лет, юрист благотворительного фонда, зап. 16.02.2026 команда 6.
33. Ж., 24 года, переводчик, дизайнер, разговор о бездомности в целом, зап. команда 7, даты нет
34. Ж., зап. 8.02.2026 команда 9
35. Ж., зап. 9.02.2026 команда 9
36. Ж., зап. 12.02.2026 команда 9
37. Ж., зап. 13.02.2026 команда 9

38. Ж., зап. 16.02.2026 команда 9.
39. Ж., 28 лет, 8.02.2026, команда 1, СПб
40. Ж., переехала в СПб из Беларуси, боялась потерять работу, зап. 8.02.2026 команда 1
41. Ж., переехала в Петербург из Костромы, развод, зап. 14.02.2026 команда 1
42. М., психолог при католической церкви, зап. 12.02.2026 команда 1 (экспертное интервью)
43. Ж, 32 года, мастер маникюра, переехала из Севастополя, в разводе, зап. 5.02.2025 команда 2
44. Ж., 22 года, аналитик данных, СДВГ, зап. 6.02.2026 команда 2
45. Ж., 28 лет, педиатр в декрете, переехала из Тывы, были проблемы с арендой из-за внешности, зап. 9.02.2026 команда 2
46. Ж, 30 лет, переехала из Казани, зап. 15.02.2025 команда 2
47. Ж., 30 лет, переехала из Бурятии, возвращалась домой, и приехала снова, зап. 13.02.2026 команда 2
48. Ж., 28 лет, переехала из Чувашии, нестабильность с жильем, зап. 9.02.2026 команда 2
49. Ж., зап. 4.02.2026 команда 2
50. Ж., зап. 9.02.2026 команда 2
51. Представитель организации Food not bombs, зап. команда 4

**в список попали только сданные и атрибутированные волонтерами интервью, на коллективных рефлексиях и собраниях обсуждался более широкий круг бесед*

Приложение 3. Список волонтёров

1. Малькова Надежда
2. Михалицына Эльза
3. Бененсон Елизавета
4. Володина Александра
5. Дмитриева Вероника
6. Добровольская Виктория
7. Шаля Полина
8. Кузина Алиса
9. Долганина Вера
10. Павлова Дина
11. Горушкина Татьяна
12. Селезнёва Юля
13. Жувага Вячеслав Алексеевич
14. Лемешко Валентина
15. Очнева Екатерина
16. Андрианова Виктория
17. Подгорная Катя
18. Котюргин Дмитрий
19. Лужбина Анна
20. Гулькин Александр
21. Коткина Мария
22. Смирнова Ольга
23. Старинчикова Анна
24. Комиссарова Татьяна
25. Дмитреняк Ольга
26. Ярмоленко Анастасия
27. Абзалова Индира
28. Маслова Татьяна
29. Бабайцева Юлия
30. Лужецкая Надежда
31. Гурская Ирина
32. Афанасьева Ольга
33. Вдовина Анна
34. Корчин Семен
35. Долгопятова Елена
36. Седова Екатерина
37. Люкшина Полина
38. Мешкова Полина
39. Журавлёва Дарья
40. Хороших Олеся
41. Кузьмина Анна
42. Вовк Надежда
43. Паддубский Владислав

44. Алексюнайте Лина
45. Анисимова Анна
46. Самойлова Софья
47. Чеснокова Елена
48. Русинова Анна
49. Аглиулина Карина
50. Кожушаная Алла
51. Мудрик Алёна
52. Чуркина Татьяна
53. Астахова Виктория
54. Осипенко Алла
55. Борцова Ольга
56. Селезнева Елена
57. Миневич Александра
58. Камал Ума
59. Бородай Ольга
60. Болматенко Екатерина
61. Дрява Василина
62. Думченкова Ольга
63. Одношивкина Вика

Приложение 4. Перечень экспертных круглых столов с сотрудниками «Ночлежки»

1. 25.01.2026

Круглый стол с участниками исследовательского кружка «Ночлежки»: знакомство, введение в логику и методологию исследования, вербализация и рефлексия того, как мы сами определяем, кто такая бездомная женщина и что такое бездомность, в какие контексты женщину или ситуацию помещаем, вырабатываем спектр определений. Выход из рефлексии, вопросы на понимание, организационное

2. 2.02.2026

Круглый стол со специалистами прямой помощи: юристами и социальными работниками из Петербурга. Разговор об устройстве помогающих государственных программ, о самоопределении женщин, обращающихся за помощью в «Ночлежку», о терминологической вариативности в работе с уязвимостью и бездомностью.

3. 6.02.2026

Встреча с сотрудниками и постояльцами реабилитационного приюта для женщин с зависимостью «Дом на полдороги» в Москве. Разговор о (не)доверии помогающим организациям, о личных траекториях прихода в организацию равных консультанток и участниц проекта, о специфике работы с зависимостью.

Приложение 5. К разговору об узких группах и опасности воображения сообществ

Во введении к этому исследованию мы сделали акцент на том, что воспринимать его стоит как пилотное. Не лишним будет повторить здесь эту мысль, чтобы уберечь читателя от прелести необоснованного анализа. Мы описали ряд сценариев, портретов и траекторий, но ни один из них нельзя считать исчерпывающим, пока не проделано отдельное исследование для каждого. То же касается и определения групп или типологических черт. Следуя логике интерсекционального феминизма и веря, что на человека одновременно воздействует множество факторов и обстоятельств, что стигма может состоять из множества стигм, каждая из которых сама по себе требует внимания, мы предлагаем воздержаться от иллюзии понятности микрогрупп и наглядности сообществ. Мы не встретили ни одного убедительного свидетельства того факта, что женщины, оказываясь в ситуации бездомности и/или социальной уязвимости объединяются в группы и формируют сообщества по какому-либо принципу.

Вслед за этим дисклеймером мы приведем фрагменты отчётов, сделанных волонтёрами-исследователями. Их стоит рассматривать не как самостоятельные выводы, а как указание направления для будущих изысканий.

Из отчета группы 4

В рамках исследования мы поговорили с представителем организации Food not Bombs («Еда вместо бомб») в Санкт-Петербурге, а также с одной из подопечных проекта. «Еда вместо бомб» — «международная некоммерческая, негосударственная инициатива», находящаяся на левом крае политического спектра. Каждую неделю по воскресеньям они организуют бесплатные раздачи веганской/вегетарианской еды в трёх точках города: у м. Проспект Ветеранов (в 13:00), у м. Владимирская (в 15:00), у м. Петроградская (в 18:00).

Одна из исследовательниц нашей команды посетила раздачу еды 20 февраля у памятника Тарасу Шевченко и провела там несколько часов, наблюдая. Ей удалось пообщаться под запись с одним из активистов и с женщиной, пришедшей на раздачу — она не согласилась записать интервью на диктофон, поэтому её кейс изложен в пересказе. В целом пришедшие на раздачу на предложение пообщаться реагировали «агрессивно» и неохотно шли на контакт. Из всех пришедших 5-ти женщин согласилась на беседу только одна из них. Нежелание общаться на диктофон можно интерпретировать не только как простое стеснение, но и как следствие стигмы, с которой сталкиваются малоимущие и/или бездомные люди.

Обсуждая ее рассказ в команде, мы обратили внимание на нарратив, выстраиваемый собеседницей: женщина неоднократно повторяла, что она «самостоятельная», что она «со всем справляется сама», что она «не бездомная». Она рассказала, что недавно овдовела. Женщина имеет постоянное место жительства, она никогда не обращалась в «Ночлежку» или похожие организации, но у неё был негативный опыт взаимодействия с социальным работником, который «что-то не то сделал с документами». После этого она предпочитает оставаться в стороне от бюрократических структур или государственной помощи. Зато собеседница позитивно отметила работу «Ночлежки» и похожих организаций, скорее,

с посылом, что это что-то необходимое обществу — напомню, у неё не было опыта общения с другими организациями помимо FNB. О раздачах она узнала из интернета. Интересно, что данная героиня не идентифицирует себя с клиентами «Ночлежки», с образом бездомности в целом. Она не видит потребности обращаться в подобные организации, так как пока «справляется сама». Это типичная позиция и для бездомных людей, и для людей в зоне риска, что отмечается во многих исследованиях.

О том, что бездомные люди неохотно идут на контакт, говорил и представитель Food not bombs. Первое время на раздачи еды никто не приходил, люди относились с подозрением к бесплатным раздачам: «Первое время вообще никто не приходил, как бы нам просто не верили зачастую, что мы собираемся бесплатно кому-то что-то раздавать. Но в дальнейшем, как бы, я все-таки умудрился сконнектиться с одним из бездомных». Сейчас об организации узнают через интернет и сарафанное радио: на разных точках, например, на Владимирской, есть бездомные, которые приходят регулярно на раздачи, среди них встречаются и женщины. Женщины, по словам организатора, приходят на раздачи регулярно, но это скорее малоимущие пенсионерки. Больше всего женщин приходят на раздачи у метро Проспект Ветеранов, так как там неподалёку находится стихийный рынок, на котором они продают свои вещи.

Вопрос разделения ценностей или политических взглядов с «дающими благо» у подопечных или клиентов FNB не вставал. Кажется, для посетителей раздач это не принципиальный вопрос: для них скорее важна осязаемая помощь здесь и сейчас, отсутствие связи с неэффективными государственными органами, которые в худшем случае могут «принести проблемы» или «покарать».

Любопытно, что проблема бездомности в России и сейчас имеет бюрократическое измерение и тесно связана с такими вещами, как регистрация или наличие нужных документов. Исследователь Борис Гройс приравнивает документы (вроде полиса, паспорта или медицинской карты) к символическим телам, которые открывают телам физическим доступ к помощи, в том числе социальной или медицинской [Гройс, 2024]. И хотя «Философия заботы» едва ли касается темы бездомности напрямую, эта идея заставляет вспомнить текст исследовательницы Товы Хёйденстрад «Никому не нужные. Бездомность, угнетение и человечность в постсоциалистической России». Переводчик Мария Вятчина в предисловии подчёркивает, что написанный в начале 2000-х годов текст во многом перестал быть актуален: многое было сделано для институционального разрешения явления. Тем не менее, проблема с социальным и неосязаемым, влияющим на физическое, обнаруживается до сих пор. Самый поверхностный пример — для получения ряда услуг (вроде записи к врачу) нужен аккаунт на «Госуслугах» или та же регистрация [Вятчина М., 2025]. Базовые человеческие права вроде пропитания и безопасного жилья недоступны значительной прослойке людей, часто по независящим от них обстоятельствам, как это случилось у нашей собеседницы, которая согласилась побеседовать для исследования.

Список источников

Гройс, Борис. Философия заботы / пер. с англ. А. Фоменко. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2024. 118 с.

Вятчина, М.В. Размышления о бездомности в постсоциалистической России 20 лет двадцать лет спустя. Предисловие переводчика к главе из диссертации Т. Хёйденстрад "Никому не нужные. Бездомность, угнетение и человечность в постсоциалистической России" // Пути России. 2025. Т. 3. No 2. С. 19–21

Хёйденстрад, Т. Никому не нужные. Бездомность, угнетение и человечность в постсоциалистической России / Пер. с англ. М. В. Вятчиной // Пути России. 2025. Т. 3. № 2. С. 18–71.

В начале работы над системной проблемой женской бездомности мы с коллегами сформулировали несколько исходных гипотез. Мы предполагали, что женщины реже обращаются за помощью из-за сильной стигматизации женщин, оказавшихся на улице, а также что основной объем полноценной поддержки обеспечивают частные организации, а не государственные.

Эти предположения подтвердились в ходе общения с волонтёрами и людьми, столкнувшимися с бездомностью. Большинство женщин отказывались от разговора, испытывали неловкость из-за диктофона и любой фиксации. Единственная собеседница, с которой удалось установить контакт, не идентифицировала себя как бездомная и подчеркивала свою самостоятельность. Она говорила о том, что её муж умер несколько месяцев назад, и ей не всегда достаточно пенсии. Особенно примечательная деталь, касающаяся отношения нуждающихся в помощи к разным типам организаций, что опыт с соцработницей респондентка описывала крайне негативно. Она упомянула проблемы с документами, нечто о краже или манипуляции над ними, а так же сказала, что никакой особенной помощи она не получала.

Обстановка на самой встрече была необычная, играла музыка, волонтёры выглядели нетипично. Некоторые пришедшие были очень доброжелательно и общительно настроены, в основном, мужчины. Приходили люди, по которым нельзя было точно определить, в какой ситуации они находятся, было лишь заметно, что они в возрасте и одеты соответствующе. Приходили двое мужчин, из который один был после какого-то физического увечья — у него была перевязана рука. Было очень снежно и холодно в день встречи, поэтому в основном все уходили сразу после того, как брали еду.

Интервью с волонтером FNB показало, что человек, непосредственно занимающийся помощью, разделяет наше видение положения бездомных женщин. Новым для нас стало то, что различия между организациями (FNB значительно более политически ангажированная структура, чем «Ночлежка») не имеют значения для тех, кому нужна помощь.

Из отчета группы 2

Мы проводили исследование, а именно четыре интервью, в Санкт-Петербурге. Мы выявили определённые закономерности, разговаривая с нашими собеседницами.

У нас довольно повторяющимся стал мотив переезда, который был связан либо с процессом побега из травматичной среды, либо с трансформацией и желанием улучшить качество жизни. Мы заметили, что все наши героини, которые говорили о переезде, воспринимали возвращение домой, в место, откуда они уехали, как поражение. Это было связано с большим количеством стыда, поэтому женщины нередко готовы были жить в крайне нестабильных условиях, лишь бы не возвращаться назад, так как воспринимали это как откат.

Для нас также было очень интересно заметить, что бездомность — это скорее процесс, нежели статус. Изначально мы подходили к этому исследованию с мыслью о том, что бездомный — это определённый статус, и вопрос был в том, кого можно так маркировать, кто себя так маркирует, а кто нет. На самом деле, в процессе разговора мы увидели, что это именно процесс и граница, за которой начинается бездомность. Она у каждого своя.

Мало того, что эта граница подвижна, она ещё и подлежит переоценке самими героинями. Находясь внутри травматичной, критичной ситуации, они могут воспринимать себя и свой опыт совершенно иначе.

Выходя из этой ситуации и оглядываясь назад, люди, находясь уже в более безопасной среде, как правило, оценивали свой прошлый опыт более критически — как гораздо более опасный. Таким образом, мы выявили, что бездомность не является одномоментным событием. Еще хотелось бы сказать, что у наших собеседниц в состоянии уязвимости была тенденция обращаться за помощью к мужчине, даже иногда к малознакомому. Он мог выступать одновременно и спасательным кругом, и источником потенциальной опасности, из-за чего женщина оказывалась в ситуации ещё большей уязвимости.

Или же было предпочтение обращаться за помощью именно к друзьям и близким людям, а не к организациям. Например, несколько собеседниц упомянули, что не постеснялись бы воспользоваться помощью организации, но с оговоркой: если бы они знали, что есть программы, направленные на помощь именно в их ситуации. Здесь как раз мы заметили проблему с идентификацией себя как бездомного человека, который может рассчитывать на поддержку и пришел по адресу.

У одной из наших собеседниц было ощущение, что эта помощь не бесплатная, что скрыт какой-то подвох, и ей придётся платить. Это то, что я слышала в финальных выводах.

Касаясь понятийной проблемы, мы разделили дом как физическое место пребывания — условно, крышу над головой — и дом внутренний. Общаясь с героинями, когда они пытались определить для себя термин «бездомный», мы понимали, что дом в этом слове у них в первую очередь ассоциировался с физическим жильем. А поскольку многие из них какой-то крышей над головой обладали, они не могли идентифицировать себя как бездомных. Стигма, которая присутствует в нашей культуре, эта первичная

ассоциация с бездомным человеком, закреплена у всех — и у нас, и у людей, которые этот опыт переживают непосредственно. Восприятие проблемы изнутри не даёт оценить ситуацию как критическую и ассоциировать себя с бездомным, потому что есть представление о бездомности как о чём-то, связанном в первую очередь с улицей, неопрятностью и так далее. Поскольку многие формы нестабильности как бездомность не распознавались, и не всегда было понимание, — сходное, возможно, с определением «Ночлежки», — что дом у человека может существовать, но быть недоступным или небезопасным, нам показалось, что требуется более широкий термин. Чтобы люди в положении уязвимости могли найти себя в нём и действительно прийти за помощью.

Женщины, говоря о помощи, часто делали акцент на психологической поддержке и на том, как важно было её получить в их ситуации. Они делали упор именно на помощь от близких людей, потому что им не хотелось получать какую-то обезличенную поддержку. У нас даже сложилось ощущение, которое натолкнуло на мысль о площадке, где женщины могли бы в безопасной среде делиться опытом друг с другом на равных, видеть, что они не одни, и иметь возможность поддержать друг друга и укрепить связи.

Из отчёта группы 7

Об опыте интервьюирования женщин с нейроотличием

Нам было интересно посмотреть на женщин, у которых есть нейроотличия, а также мы разговаривали с женщинами, которые переехали из других регионов и являются национальным меньшинством. Хотела бы добавить про женщин с нейроотличиями: у них часто бывает ситуация, которую мы обсуждали в ходе презентации итогов, когда они долгое время живут на грани между бездомностью и положением дел, которое для окружающих выглядит вполне нормальным.

У них может быть и работа, и образование, и даже в некоторых ситуациях жильё, но при этом они долгое время находятся в этом пограничном состоянии, и почему-то у них не получается из него выбраться. По ходу исследования мы провели восемь интервью.

Выяснили, что у девушек с нейроотличиями часто возникают трудности с удержанием работы из-за их особенностей. Опоздания, забывчивость, невнимательность — работодатель не готов это терпеть, что ведёт к череде смен работы. Сюда же добавляются проблемы с самоорганизацией и финансовой грамотностью, что приводит к долгам и импульсивным тратам. Все это накладывается на предыдущие проблемы с потерей работы. У кого-то из-за этих особенностей возникает социальная изоляция, сложность в построении дружеских связей, а ведь именно они часто поддерживают людей в ситуациях лиминальности. Из-за доверчивости и неспособности оценить угрозу девушки часто попадали в ситуации, которые могут быть потенциально опасными, привести к потере финансов или чему-то ещё.

Также важным нам представилось отсутствие доступной квалифицированной психологической помощи, ведь диагнозы женщинам ставятся позже, чем мужчинам.

Преимущественно женщины получают диагноз нейроотличия около 30 лет. К этому возрасту у них уже имеется череда увольнений, долгов, разорванных отношений, и они находятся в состоянии апатии и выгорания. Сюда добавляется давление социальных норм — какой должна быть женщина к этому возрасту, а ресурсы у девушки с такой особенностью уже истощены. Не хватает компенсаторных механизмов, которые помогли бы выбраться из этого пограничного состояния.

Нейроотличные люди очень склонны к маскингу, потому что их часто порицают за непохожесть на других, требуют быть «нормальными». Они сами могут не осознавать, где подстраиваются. Это ведет к тому, что признать проблему — что с тобой что-то не так, и ситуация вышла из-под контроля — становится сложно. Все это накладывается друг на друга: трудности с работой и финансами, особенности психики. Часто наши респондентки — это девушки, переехавшие в Санкт-Петербург на учёбу или из-за отношений.

У них каждый этот фактор снижал шансы на стабильность. И это ведёт к тому, что бывает сложно даже найти себе комнату или работу.

И также эти девушки не считают, что имеют право куда-то обратиться. Либо они даже не знают об организациях, которые могут помочь, потому что не понимают, что с ними происходит. Просто есть это ощущение: со мной что-то не так, я какая-то неправильная, поломанная.

Это главный вывод, к которому я хочу подвести итог: нейроотличие — это дополнительный и очень большой фактор, который усиливает уязвимость. Спасибо, что выслушали. Это то, что я хотела добавить по выводам нашей команды. В целом, по остальным выводам, которые уже приводили про мерцающую бездомность, мы тоже пришли к заключению, что для многих девушек она носит именно такой характер.

Часто проблема возникает при переходе из одной роли в другую, при перемещении между статусами: женщине сложно закрепиться в каком-то стабильном состоянии.

Об опыте интервьюирования мигранток с бездомным опытом

Это девушки, которые представляют собой более традиционный тип, потому что часто то, насколько хорошо ты владеешь языком и насколько приемлемо выглядишь, помогает тебе адаптироваться в данном обществе, найти социальное окружение и встроиться, получить помощь. А если ты сильно отличаешься, то будет проблематично решить свои вопросы, и всё это накладывается друг на друга. Как раз были респондентки, у которых есть пересечение: и нейроотличность, и принадлежность к нетитульной нации.

Но в основном это были девушки, которые в целом не считают свою ситуацию бездомностью. Скорее, это что-то пограничное. И больше было разговоров про то, что в Санкт-Петербурге всё не так плохо, а в Москве ситуация хуже: сложно найти жильё и есть некоторая дискриминация по национальному признаку.

Некоторым нашим респонденткам приходилось менять имена на более типичные при поиске жилья или работы — на Авито, Headhunter и других подобных ресурсах. Девушек, которые пережили опыт бездомности и не являются представительницами доминирующей группы, у нас не было, но были другие случаи.

Одна девушка совершила довольно много переездов за два месяца. У неё есть возможность снимать жильё, но для меня, допустим, было бы очень травматично и стрессово переезжать пять раз за такой короткий срок. Ей приходилось так часто менять место жительства из-за возникавших напряжённых моментов.

Ещё добавлю: многие говорили, что есть ощущение небезопасности, когда используешь родной язык в общественных местах. Стратегия большинства девушек — влиться в общество, стараться не высовываться и не выделяться. В целом это похоже на маскинг, как у нейроотличных девушек.